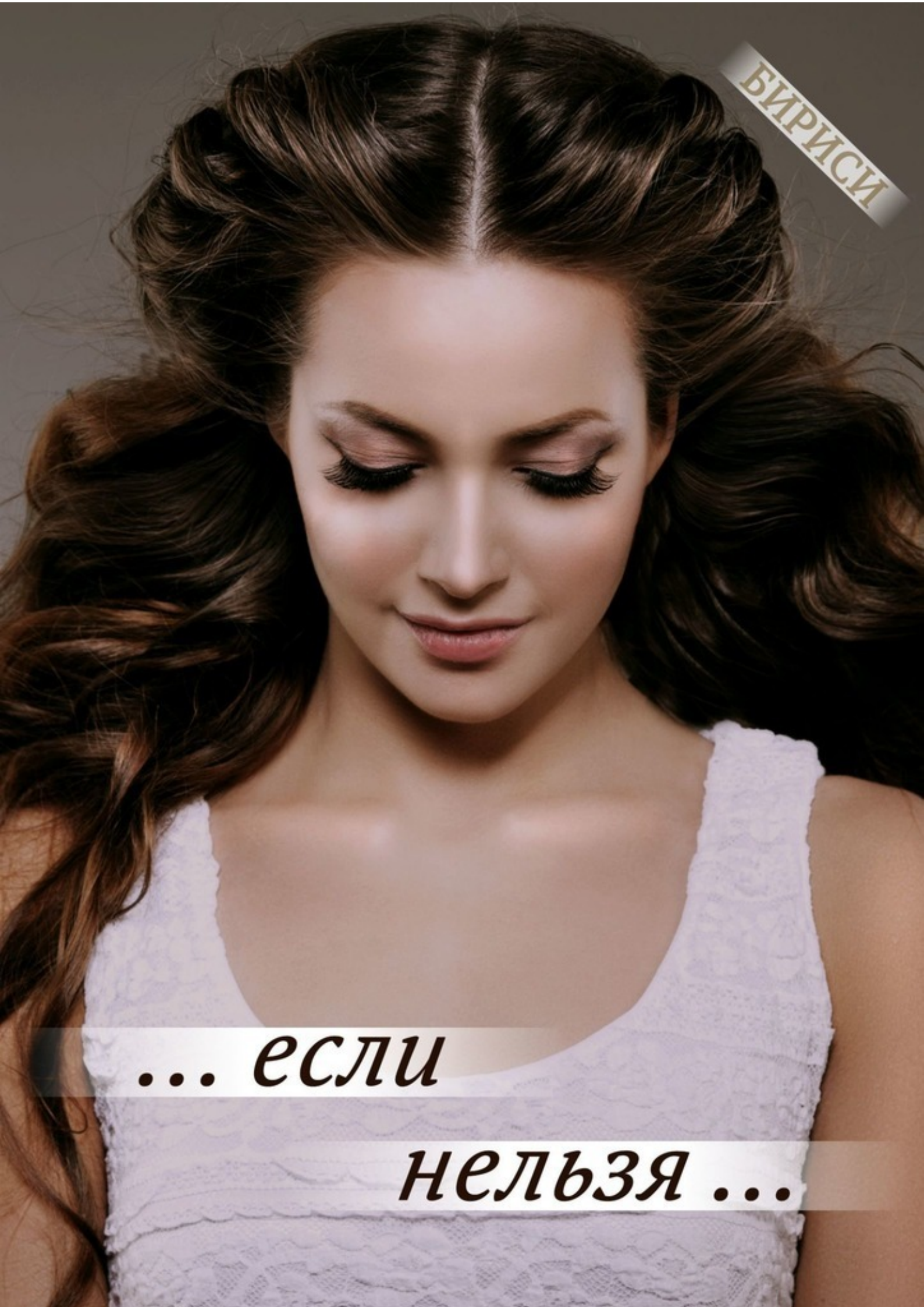

БИРИСИ

... если

нельзя ...

БИРИСИ

... если нельзя ...

«Издательские решения»

БИРИСИ

... если нельзя ... / БИРИСИ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935667-3

Историю Ромео и Джульетты вы, конечно, знаете. Так вот — эта история круче! В наши дни и с реальными людьми. Богатство и бедность, чувство и рассудок, случайность и расчёт, драки и примирения, шутки и грусть — всё присутствует.

ISBN 978-5-44-935667-3

© БИРИСИ
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава первая, полудраматическая	7
Глава вторая, экскурсирующая в прошлое	18
Глава третья, завязывающая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

... если нельзя ...

БИРИСИ

© БИРИСИ, 2018

ISBN 978-5-4493-5667-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*«...Так делает перо,
скользя по глади
расчерченной тетради,
не зная про
судьбу своей строки,
где мудрость, ересь
смешались, но доверясь
толчкам руки,
в чьих пальцах бьётся речь
вполне немая,
не пыль с цветка снимая,
но тяжесть с плеч»*

Иосиф Бродский, «Бабочка».

Когда они познакомились, он учился на пятом курсе, а она – на втором. Иван и Ясмينا.

Он русский. Видный парень – тёмные волосы, узкий разрез зелёных глаз, чуть выступающие скулы и резко очерченный подбородок, немного толстые губы. Широкий в кости, не Геркулес, но весьма прилично сложенный. Занимается боевым самбо, да не просто занимается, а имеет победы на городских соревнованиях. Учится хорошо и учёба даётся ему легко.

Она даргинка. Глаза карие, большие, с влажной радужкой, отражающей наш мир в серебристом блеске. Волосы тёмно-каштановые, немного выющиеся – густые, как у большинства кавказских женщин. Черные ухоженные брови, высокий белый лоб. Лицо светлое, скорее бледное, даже на щёках нет и следа румянца, присущего славянкам и женщинам дальневосточной Азии. Курносая, что является верным признаком острого ума и доброго нрава. Губы чётко очерченные, тёмные, припухлые – говорящие о страстной натуре их обладательницы.

Мой изысканный читатель, Вы готовы узнать захватывающую историю отношений этой пары? О! это совершенно необычная история. Что же, если Вы готовы погрузиться в мир страстей и холодного расчёта, то начнём, пожалуй.

Глава первая, полудраматическая

«Пусть не обольщает тебя свобода действий на земле тех, кто не уверовал»

Коран, сура «Семейство Имрана».

Ясмина заметила его, ещё учась на первом курсе. Он с другими парнями упражнялся на турнике и брусьях. Они, видимо, соревновались на спор. Среди парней были два даргинца — её знакомые, двоюродные братья Ильяс и Хамид. Были там и другие кавказцы, некоторых она уже знала. Происходило это зимой. В Иване сразу можно было узнать русского, потому что он упражнялся с голым торсом. Кавказцы все были в майках или рубашках. Закон ислама не приветствует оголения тела при посторонних и без нужды. Даже осетин Заур, крупный рыжеволосый парень, был в футболке, хотя он, как и большинство осетинов, православный. Но, наверное, кавказское воспитание не позволяло ему обнажить крепкий торс. А Иван нисколько не чувствовал себя смущённым. Видимо, он снял с себя рубашку и майку, чтобы показать своё русское удалство на лёгком морозце.

Она заметила его. Он отличался от других русских. От большинства из них. Спокойный, уверенный в себе, по-мужски привлекательный. Он понравился Ясмине как человек. Как о мужчине о нём она сначала совершенно не думала. Мусульманские порядки, в которых она воспитывалась, понуждали её думать о русских мужчинах как о чём-то грязном, безобразном, чуждом. Связь с русским мужчиной представляется противоестественной, всё равно, что с животным. Ясмина, как и другие девочки в мусульманских семьях, воспитывалась так, чтобы не было симпатии к русскому. Не потому что русский, а потому что не мусульманин. Просто русские являются олицетворением немусульманского, неверного, греховного, нечистого. Вот если русский стал мусульманином, то всякая связь с ним, включая плотскую, но в рамках дозволенного священным писанием, переходит в ранг допустимой. И хотя связь девушки с иностранцем не поощряется у любого народа, имеющего к себе уважение, всё же такое случается не слишком редко, но что касается брака с иноверцем или безбожником, то тут мусульманское общество строго до жестокости. Поэтому воспитание Ясины позволяло думать об Иване как о приятном человеке без пола, без народности. Но это только на поверхности. Только то, что позволяло сознание. А в глубине её личности были затронуты более мощные силы, более основательные, движущие человечеством, как единым организмом, уже многие тысячи лет. Ведь заметила же она его, ведь думала о нём.

В тот раз она просто прошла мимо со своими подружками. Парни их увидели и что-то приветственно прокричали. Одна из подружек коротко им ответила. Девушки некоторое время говорили об этих парнях, но об Иване никто не обмолвился. Ясмина тоже о нём почти сразу забыла, включившись в весёлый пересуд товаров. Потом она замечала его ещё много раз. Замечала, но никогда не подавала виду, что как-то выделяет его среди других парней. Спустя некоторое время кто-то назвал имя — Иван. Она не спрашивала о нём, но названное имя говорило: он русский, он иноверец. Он для неё запрещён.

Ясмина была помолвлена. Помолвили её совсем недавно, после окончания школы. Жениха звали Мусой, ему было двадцать пять лет и он был в разводе. Сам, будучи даргин-

цем, он выбрал себе жену из семьи кумыка и агулки. Родители его нехотя согласились на этот брак, а он распался меньше чем через два года. Говорили, якобы они не сошлись характерами. Он был деревенским парнем, немного ограниченным, упёртым, а она – городской, развитой. В семье говорили на русском, она не хотела учить язык мужа да ещё воспитывать на нём ребёнка. Молодая мать не без серьёзных оснований полагала, что ребёнку будет сложно определиться в двух языках, это повлечёт отставание в развитии речи и, как следствие, в умственном развитии. Муса же с упорством барана продолжал обращаться к малышу на своём родном языке. Вроде бы именно это послужило основной причиной для развода, но не единственной. Он начал её бить, из-за этого родственники разделились и стали ссориться, после чего продолжение совместной жизни стало невозможным.

Ясмина согласилась на помолвку по настоянию родителей. Принуждения не было, но её сумели убедить, что помолвка необходима и это было одним из условий учёбы в университете, в Москве. Все ей говорили, и она сама понимала, что её может украсть какой-нибудь абрек. Помолвка не даёт гарантии, но это серьёзная защита. Да и на девушку накладывает ограничения. Сама она рассчитывала, что в скором времени для неё найдётся более достойный вариант замужества, но и к возможности брака с Мусой она отнеслась со всей серьёзностью. Как говорится, от добра добра не ищут. Зная историю предыдущего брака Мусы, Ясмина лишь требовала честного слова, что он никогда не поднимет на неё руку. Кроме того, родители пообещали ей отменить помолвку, если жених поведёт себя неподобающим образом или появится лучшее предложение.

В Москве она жила у родственников. Это была семья двоюродного дяди по материнской линии. Семья состояла из пяти человек: родители и трое детей, все младше Ясины. В четырёхкомнатной квартире гостя разделяла комнату с двумя троюродными сёстрами; старшая из них оканчивала школу, а младшая только недавно начала учиться. Одну из комнат занимал троюродный брат шестнадцати лет, а ещё в одном помещении располагались родители. Четвёртая комната представляла собой гостиную. Муса, разумеется, жил отдельно, снимая комнату. В Москву он приехал на два года раньше Ясины и работал в ресторане своих родственников по отцовской линии.

И вот проходит какое-то время и сестра в телефонном разговоре говорит Ясмине, что у Мусы налаживаются отношения с бывшей женой. У их малыша были некоторые сложности со здоровьем. Мать привезла его в Москву лечить и Муса сразу подключился ей в помощь. А до этого он с ней судиться хотел, чтобы отобрать ребёнка. Но теперь бывшие супруги сблизились на почве совместной заботы о здоровье сына. Однако Ясмине он ничего этого не говорил, и она узнала обо всём от своей сестры. Такое развитие событий её, ясное дело, не устраивало. Она пыталась с ним говорить, но он уклонялся. Быть «одной из» женщин своего будущего мужа она не желала. У них дошло даже до ссоры.

А потом, когда Ясмина пришла к своему помолвленному, он начал её помогать. Мол, всё равно будешь моей женой, так что никто не узнает. Он был пьян, к слову. Тогда Ясмина поняла, что Мусу она никогда не полюбит. Она может привыкнуть к нему, может смириться, может заботиться о нём, но глубокого, всеобъемлющего чувства к нему у неё никогда не возникнет. Она осадил своего жениха и поспешила уйти. После он позвонил и сказал, что это была проверка. В гневе она желала ему смерти, но ничего не предприняла и происшедшее осталось тайной для всех. Ясмине очень хотелось учиться. Ей нравилась её студенческая жизнь в Москве, сравнительно независимая, свободная. И училась она с удовольствием и лёгкостью. Но её учёба вдалеке от родителей стала возможна лишь благодаря помолвке.

Проходит ещё время и ей сообщают: бывшие супруги сходятся. Оба пошли на определённые уступки, да и родственники сблизилась и стали поддерживать молодых. И наконец Муса и его родичи отменили помолвку с Ясиной. Это случилось в те дни, когда девушка была в Махачкале, на каникулах. Родители после этого не хотели её отпускать обратно в Москву.

Ох и сложно же было уговорить их! Но всё же договорились, что она закончит хотя бы второй курс. Подспорьем ей было также то, что она занималась в студии народного танца, и её, в составе ансамбля, нередко приглашали участвовать в каких-то мероприятиях, проводимых дагестанским представительством в Москве и диаспорой. Может быть, кто-то из влиятельных московских даргинцев обратит на неё свой взор?

Отца Ясины зовут Салимом. Так вот, Салим попросил московских родичей, присматривать за своей дочерью и те согласились, правда, с определёнными оговорками. Таким образом, Ясмина вновь возвратилась в Москву и занялась учёбой с удвоенной энергией. Именно после возвращения произошли события, кои и стали основой данной повести. Случилось следующее...

Среди однокурсниц и подруг Ясины была девушка по имени Оля. Она занималась балльными танцами. Так же она участвовала в институтской самодеятельности, а в детские и подростковые годы она пела в церковном хоре и некоторое время занималась народными танцами. Круглолицая, румяная девушка с русыми волосами; жизнерадостная, порядочная. Она сошлась с девчонками из круга Ясины. Они, в отличие от многих других девушек, держались от парней на расстоянии, не сквернословили, не курили, не употребляли спиртного. У них были свои интересы и строгие правила поведения. В один из дней у Оли были соревнования по балльным танцам и она попросила подруг поддержать её в качестве болельщиц. Соревнования проводились в середине дня и надо было уйти с занятий пораньше, после одной из пар, причём следовало поспешить. Подруги согласились. Оля сказала, что их подвезёт её знакомый, а после соревнований так же отвезёт их куда ему скажут. И что же? Оказалось, что этот знакомый и есть Иван!

Оля была из Вологды, и Иван, чьи родители переехали в Москву из этого города, и который каждый год гостил в там у бабушек и дедушек, хорошо её знал. Оля жила по соседству с одной из его бабушек. С Иваном у неё были дружеские отношения. Отношения земляков и людей неплохо знакомых с детства – не более. Учтивый юноша Ваня и порядочная девушка Оля. Впрочем, вполне возможно Оля имела виды на этого парня. Но это только предположение.

Иван ждал Олю и её подруг в своём семиместном Dodge Journey серебристого цвета. Он вышел и открыл двери машины для девушек. Расселись и поехали. Оля представила своих подруг: Лана, Зарина, Даша, Меси, Ясмина.

Ясмина... Он поглядывал в зеркало заднего вида и мог видеть её. Она смотрела в окно. Когда остановились, он выскочил, чтобы подать руку девушкам, в первую очередь Ясмине, но она вышла в другую дверь. Потом они все пошли к залу, в который стекался народ. Иван шёл позади, а всех вела Оля. У гардероба Иван попытался помочь Ясмине снять пальто, успел в последний момент... Она сказала: «Спасибо. Не надо» – и на короткий миг подняла взгляд на уровень его подбородка. И всё. Он понял, что может быть не стоит стараться вот так, на виду у всех, проявлять своё ухаживание. Она ведь девушка другой культуры, другого мира. Это может повредить ей или оттолкнуть от него.

После окончания соревнований он снова вёз девушек. Было уже темно. Он вглядывался в глубину салона, где временами освещалось лицо Ясины и её большие глаза откликались сиянием. Но она не смотрела на него. Не подняла на него глаз и когда вышла из машины. Иван ждал её взгляда. Это было для него ново и совершенно необычно. Ваня привык ловить на себе взгляд девушек. Он привык к разглядыванию, к интересу. Его даже утомлял этот интерес европеизированных порченных девок. Как только не смотрели на него. Бесстыже, требовательно; с наглым любованием, как на жеребца или дорогую машину; смотрели с вызовом, прямо; смотрели заигрывая; смотрели расстреливая, чтобы сделать из него трофей-чучело.

И он привык отвечать, подавляя собственным взглядом или не замечать вовсе эти легкодоступные тела с бесстыжими глазами. Но не было ещё такого, чтобы искать и ждать девичьего взгляда. Эта кавказская девушка своим потупленным взором требовала от него больше, чем все красавицы вместе взятые, которые когда-либо смотрели на него. Её взгляда надо было добиваться. Её видимая покорность и непритворная стыдливость были куда-более привлекательнее и весомее интереса распушенных юниц. Чтобы она взглянула, нужно было постараться. Нужно было быть достойным мужчиной. За её внимание надо было бороться.

А она чувствовала его интерес. С этого дня Ясмينا не могла забыть Ивана. Даже если бы хотела, не смогла бы. Он всё время напоминал о себе. Шёл, вдруг, навстречу по коридору учебного корпуса; стоял у входа в универ и глядел на неё; или подходил к их девичьей компании и предлагал подвезти всех; наблюдал из какого-нибудь окна, как Ясмينا с подругами прогуливается по университетскому скверу. Она, конечно, замечала Ивана, но старалась не смотреть на него.

Иван хотел бы подойти и поговорить с ней, но догадывался, что даже простая беседа с ним на людях может опорочить девушку в глазах её земляков. Потому он воздерживался от явного сближения и искал возможности поговорить с ней без свидетелей. Однако это оказалось почти невозможным: Ясмينا не оставалась одна. Она была либо с подругами, либо кто-то из родственников привозил её перед учёбой или увозил после. Он улыбался ей издали, несколько раз здоровался с ней, но у него не было возможности поговорить с ней без свидетелей.

Иван попытался узнать что-нибудь о Ясмине через Олю. Она, как и остальные подруги Ясмины, уже заметила Ванин интерес, и в их кругу это стало поводом для шуток и едких замечаний. Ване она сообщила лишь, что Ясмينا помолвлена, и если он попытается сблизиться с ней, то им грозят серьёзные неприятности. Ясмينا, между тем, до сих пор никому не сообщила, что её помолвка разорвана. Во-первых, так было безопаснее, а во-вторых, ей не очень-то хотелось быть в чужих глазах девушкой, от которой отказался жених, ведь она, фактически, оказалось запасным вариантом. Она – а не Муса, как ей представлялось.

Ивана не особо расстроило знание того, что Ясмينا помолвлена. В то время как для аборигена Кавказской возвышенности (за исключением самых отчаянных сорвиголов) помолвка делала девушку запретной, для аборигена Средне-Русской равнины помолвка представлялась заневоливанием несчастной и бесправной девушки, осуществлённой её родителями в сговоре с родителями её будущего жениха-эксплуататора. По крайней мере, Ивану так хотелось представлять положение «несчастных» девушек Кавказа – и он так представлял. Правила людского общежития, традиции, которые на Кавказе упорядочивают жизнь и ограничивают волю и притязания отдельной личности, казались ему ограничениями, угнетающими свободу выбора. Поэтому факт помолвки он считал не только незначительным, но и требующим пересмотра.

Таким образом, Иван не потерял желания сблизиться и завладеть сердцем Ясмины, но не исчезало и опасение того, что он может навредить ей, и их навсегда разлучат. Попытавшись ещё некоторое время остаться с Ясминой наедине и поняв тщетность этих попыток, он вновь обратился к Оле. Да, Оля была своя, русская, и к тому же порядочная девушка. Наверное, ей можно довериться. Он попросил Олю передать Ясмине записку, и сделать это без свидетелей. Оля медленно опустила взгляд, так же медленно взяла записку и, покачив головой, снова посмотрела Ване в глаза. С тоской во взоре произнесла: «Всё бесполезно».

Девушка передала записку Ясмине. Та спросила: «От кого?» Оля опустила свои грустные глаза и ответила: «Ты знаешь». После этого отвернулась, чтобы удалиться, но кавказская подруга резко сказала: «Стой!» Она развернула записку и прочитала её про себя. Иван сообщал, что хотел бы встретиться с ней наедине, для разговора. Он будет ждать в своей машине – и указывал место возле универа, у хозяйственной пристройки, обычно безлюдное и прикрытое деревьями и кустарником. Он будет там ожидать её в последующие дни. Ясмينا прочитала, скомкала бумагу и бросила к своим ногам.

«Передай ему, – сказала она подруге, – нет! и никогда! И ты, если хочешь со мной дальше дружить, больше никогда мне о нём не говори и ничего от него не передавай! Слышишь? Никогда и ничего!» Оля передала Ивану два слова, предназначенные ему, и попросила больше не обращаться к ней за посредничеством в сердечных делах.

Если бы Ваня был глуп и слаб, то был бы во власти обстоятельств, и всякое обстоятельство, всякая чужая просьба или мнение, всякое слово баламутили бы его естество и бросали из стороны в сторону. Но Иван был умён и крепок духом, он умел держаться собственного пути и выстраивать приоритеты. Поэтому он не изменил свои намерения в отношении Ясины. Он по-прежнему старался быть у неё на виду, искал возможность остаться с нею наедине, а после занятий ждал её в условленном месте. Твёрдость намерений, настойчивость формируют желанное будущее.

Что такое история, мой мудрый читатель?

История, это совокупность узловых событий проявления природной стихии, личной воли вожаков – и нити последствий, объединяющей эти события.

То, что Иван продолжал гнуть свою линию, имело последствия. Ясмина заметила, что он, как и прежде, где-то рядом, на виду. Дня через два она решила проверить, ждёт ли он её в условленном месте. Она оставила подруг и прошла на некотором отдалении от Ивана, ожидавшего её в машине. Он её заметил и вышел навстречу. Она резко остановилась и, развернувшись, пошла прочь. Ваня смотрел ей вслед, не окликая, не двигаясь.

Этот случай добавил Ивану твёрдости, а Ясмину поверг в неловкость, в положение неопределённости. Чтобы выйти из создавшейся ситуации, она написала Ивану короткое письмо. Вот его содержание:

«Моя вера и традиции моего народа не позволяют мне даже объясняться с Вами, не говоря уже о чём-то большем. Только моё сочувствие и доброе родительское воспитание дают мне право написать Вам несколько слов, и только лишь для того, чтобы Вы раз и навсегда поняли, что между нами невозможны никакие отношения. Прошу Вас, оставьте меня в покое. Вычеркните меня из своей жизни и забудьте. Даже нынешнее Ваше внимание ко мне несёт опасность для нас обоих. Это самая настоящая смертельная опасность. Если Вы не боитесь за себя, то пожалейте хотя бы меня и моих близких родственников. Если хотите чтобы у меня сохранилось сочувствие и уважение к Вам, то больше никогда не появляйтесь в моей жизни».

Ясмина очень старалась, чтобы язык её короткого послания получился понятным и русским по духу. Она листала сочинения Пушкина и Бунина, перечитывая большие отрывки из них. Кажется, ей удалось мастерски выразить свою мысль. Мой высокообразованный читатель, возвратитесь к краткому посланию Ясины и прочтите его ещё раз. Разве оно не поражает своей ясностью и чётким (хотя и несколько старомодным) стилем? Не зря в семье, и вообще в кругу близких и знакомых, Ясмина с детства считалась умственно одарённой девочкой, весьма и весьма развитой. В самом деле, удивительный образчик русской словесности в исполнении даргинской девушки. Впрочем, полагаю, что более всего читателя интересует не стиль, а смысл послания. Продолжим...

Письмо Ясмина не стала ни через кого передавать. Она сама пошла в корпус, где шли последние, перед защитой дипломных проектов, занятия пятого курса. Дождалась, когда Иван выйдет из аудитории, подошла к нему и без единого слова протянула прозрачную папку с несколькими чистыми листами, и приложенному к ним рукописным посланием. Иван взял папку, а Ясмина повернулась и ушла, так и не сказав ни слова.

Иван хотя и был впечатлён, но не нашёл в письме девушки мотивов личного неприятия и отторжения его. Было лишь подчинение неким условностям. Но ведь Ваня не был в подчине-

нии тех же условностей. Они казались ему посторонней помехой. Он жил в другой реальности. А что касается опасности... Ваня считал, что ведёт себя осторожно и девушку не компрометирует, даже по правилам её народа. А на ревность и соперничество её земляков он готов был ответить. У себя, там, пусть живут по своим законам, полагал он, а тут он будет жить по своим правилам. Уважение к чужому уставу и осторожность он, конечно, будет проявлять, но от своих намерений не отступит. Хотя намерения у Вани до сего момента были неопределённые. Только теперь, прочитав письмо, он немного задумался о том, что нужно девушке и что он может ей дать? Именно, что «немного» задумался. А прежде он был вовсе исключительно во власти своего желания.

А Ясмينا, хоть и была настроена решительно, разочаровалась бы в Иване, если бы он отступился от неё, прочитав письмо. Поэтому она испытала радостное чувство и прилив сил, когда увидела его утром у центрального входа в университет. Он, как и прежде, глядел на неё с едва заметной улыбкой. Душевный подъём у неё, однако, вскоре сменился упадком сил и раздражительностью. Наверное, это случилось вследствие того, что ничего не происходило, никаких решительных действий не было. Напряжение присутствовало, а движения к разрядке не виделось. Что этот русский собирается делать? Он так и будет вертеться вокруг да около и дебилно улыбаться? А может быть, он задумал какую-то глупость? Опасную глупость! Вообще, каковы его цели, как далеко он намерен пойти? Будь на месте русского Ивана один из своих парней, то она была бы на девяносто девять процентов уверена, что он хочет жениться, и для женитьбы уже имеется какая-то материальная основа и поддержка родственников. Есть правила адата и правила ислама, которые воспитывают в человеке ответственность, а нарушителя этих правил ждёт кара от рук решительных и ответственных людей. Но большинство русских живут безответственно, не соблюдая законов совести и религиозных правил. Может быть, и этот «ваня» готов лишь забрать год-два из цветущих лет её жизни, а потом найдёт ей замену? Скажет: «Я полюбил другую», или: «У нас разные характеры», или: «У нас мало общего». И за любой его отговоркой будет желание сбросить тебя как обузу, пойти налегке по новому жизненному пути. И он будет удивляться, почему это тебе, так же как ему, не хочется начать жизнь заново?

В напряжении и неопределённости прошли несколько дней, и наконец, Ясмина решилась. Она сказала подругам, чтобы они шли домой без неё – ей надо поговорить с преподавателем математики, – а позже за ней заедет дядя. После занятий она выждала некоторое время и направилась к тому месту, где её много дней подряд ждал Иван. Он заметил её в боковом зеркале, но в этот раз не стал выходить навстречу. Лишь когда Ясмина стала обходить машину он потянулся к пассажирской двери, чтобы открыть её. Девушка резкими движениями вскочила в автомобиль и захлопнула за собой дверь. После этого она впервые взглянула Ивану прямо в глаза. Только этот взгляд его не порадовал. Она спросила:

– Ну, что ты хочешь?

Иван ухмыльнулся:

– А я думал, как бы нам на «ты» перейти?

Но Ясмина не сбилась с боевого настроя:

– Зачем ты следишь за мной? Чего ты хочешь?

А Ваня не знал, что сказать. Сколько он тут провёл времени в ожидании этой девушки, а ответить на её простые вопросы не может. Нет ни нужных слов, ни мыслей.

– Ты знаешь кто я? – вопрошала девушка, перенося внимание парня с его неоформленных желаний на свою личность.

– Ясмина. Студентка, отличница, танцовщица, наконец...

– Я даргинка! – прервала она его. – Я мусульманка. Понял, да?

Ваня сделал движение плечом, как бы говоря «Ну и что?» Он не находил слов, но не сводил глаз со строгого лица Ясины.

– У нас свои законы. Ты же не мусульманин?

– Нет, – он опустил взгляд. – Но я хотел сначала поговорить с тобой о другом.

– Я не знаю, о чём ты хотел говорить, но для меня это важно. Если для тебя это не важно, то нам не о чем говорить, – она протянула руку к двери, видимо, собираясь уйти.

– Важно, – сказал Иван. Он испугался, что она сейчас уйдёт, и всё будет кончено. – Но сначала я хотел про другое. Не только это. Но по порядку...

– У нас порядок такой, – снова она перебила его, – вера, нация, семья, а потом уже другое. А у вас так, да? Сначала «хочу», а потом всё остальное?

– Я хотел поговорить о нас, а не спорить по философским вопросам, не обобщать...

– Вот видишь? Я тебе сказала какой у нас порядок, а ты снова о себе, – она на мгновение замолчала, и вновь заговорила уже несколько мягче. – Может быть, когда у тебя будет такой же порядок, ты сможешь понять меня. Тогда нам будет о чём говорить. А сейчас ты только усложняешь мне жизнь. Я с Кавказа. Тебе что, ваших девушек мало? Любая тебе даст то, что ты хочешь. Нам не о чем говорить. Больше не ходи за мной.

После этих слов Ясина вышла из машины и скорым шагом направилась прочь. Иван посидел несколько секунд, затем выскочил из авто и крикнул вслед Ясине:

– Ты же не знаешь, чего я хочу! Давай обсудим наши личные отношения. А вера и нация без нас не умрут.

Она, не останавливаясь, обернулась и сказала:

– Да, вера и нация умирают прямо в нас.

Какие удивительные слова! Какая поразительная мысль! «Вера и нация умирают в нас». Мой бесценный читатель, автор был бы счастлив завершить данное повествование этими словами, но наша история не заканчивается вышеописанным столкновением хотелок с долгом. Поэтому, проследим дальнейшее развитие событий...

Иван чувствовал безысходность. Действия таили в себе неведомую опасность, а бездействие опускало его до человека второго сорта. Кроме того, на носу защита дипломного проекта, а у него все мысли о Ясине. Иван решил сосредоточиться на написании дипломной работы. Это занятие давалось ему без особых трудностей, так как подходил к учёбе серьёзно. Лекции для его курса в университете закончились, поэтому он мог долго не появляться там. При всём этом, изгнать из ума мысли о Ясине он не мог. Мысли то и дело, хоть на мгновение, возвращались к ней. Постоянное подавление этих мыслей приводило к тому, что время от времени на Ивана обрушивалось чувство тоски и одиночества, да такой силы, что хоть волком вой.

Ясиночка тоже переживала. Пусть выглядела она недавно неприступной и уверенной – она всё же девушка. Как только Ванин курс вышел на финишную прямую, а он сам перестал «дебильно» улыбаться Ясине из каждого окна, у неё обозначились проблемы с сердцем. Оно стало работать с перебоями. Идёт Ясиночка по коридору и вдруг – чу! знакомый силуэт в мужской компании. Иван!.. Сердце замирает. Проходит мгновение, силуэт двинулся... и стал незнакомым, чужим. Обозналась! В ту же секунду в груди ощущается сильный толчок. Потом всё приходит в норму: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Или вот: Ясина идёт с подругами, а со стороны приближается большая серебристая машина... оп! – и сердце опять остановилось. Вообще, всё остановилось – время, люди, планета... движется только эта машина, да в Кремле кто-то продолжает пахать на галере. Но вот авто приближается... Нет, это не та модель, в которой Ясина обнажила недавно перед молодым человеком философские проблемы. И водитель не того пола. Сердце запускается... тук-тук, тук-тук... всё вокруг оживает. Вот такие сердечные проблемы.

Тем временем весна вступала в свои права. О собственных правах задумывалась и Ясмينا. Конечно, воспитание, традиции, вера – это всё жило в ней, эти понятия были частью её существа. Однако вокруг была другая жизнь. Пусть эта жизнь была во многом беспорядочной, было в ней много грязного, пошлого, вредного, но ведь существовало и другое: искренность, верность, доброта. Каким-то чудом, многие люди оставались порядочными, честными. И тут находились девушки над которыми не довели строгие законы предков и религии, но они не кидались в распутство, бесчестие, не потакали низменным желаниям. И этим порядочным девушкам, похоже, хотелось того же, что и Ясмине – любимого и любящего человека (одного и на всю жизнь), детей от него, семейный достаток. И разница между ней и ими была в том, что они могли делать свой выбор самостоятельно, с правом на ошибку и без вековых условностей, а её оберегали от ошибок, и хотя давали возможность соглашаться или не соглашаться, но по сути это было лишь право приспособиться к неизбежному.

Видя, как другие девчонки свободно общаются с парнями, не нарушая при этом границ приличия, ей тоже хотелось радости общения. Ясмине желалось не столько дополнительной свободы, сколько доверия. Не такая уж она пропащая, чтобы по рукам пойти. Она задумывалась, почему у неё вообще появилось влечение к Ивану, человеку чужой культуры, чужой расы? Почему она позволила нежному чувству укрепиться? И приходила к выводу, что он соответствует её идеалу. Она всегда хотела, чтобы её жених был светлой внешности, спортивным, смелым, чтобы был из зажиточной семьи. И Иван соответствовал её чаяниям. Он ездил на своей машине, причём на неплохой машине. Русская подруга Оля рассказывала, что его семья имеет хороший достаток. Он был спортивным. В отличие от других русских парней не чурался кавказцев и готов был с ними дружить и соперничать, что тоже говорит в его пользу. Ко всему этому он обладал мужской привлекательностью. Он не был разгильдяем, бабником, бездарем. Что-то она сама подметила, а некоторые сведения о нём пришли к ней от третьих лиц. Ну разве это не мечта девушки? Разве это плохая пара для Ясмины?

Что является преградой? Вероисповедание. Но Ясмينا не была набожной, а тем более фанатичной. Она была слишком развита, чтобы религиозный догмат, появившийся в песчаном оазисе Аравии полторы тысячи лет назад, переносить в современность без карантина мысли. Понесёт ли потерю Всевышний, если её жизнь счастливо устроится с человеком другой веры? Разве не в его силах сделать её детей мусульманами? Она ведь никогда не станет препятствовать этому – Ясмينا ни разу не допустила такой мысли. А вот общество, в котором она выросла, действительно понесёт потерю. Общество на протяжении веков укрепляло своё единство и волю соблюдением традиций и правил общежития, держало себя в строгости, воспитывало девочек в моральной чистоте и по исламским законам, готовя для собственных мужчин, для своего круга и своего будущего. Разве может она нанести вред Аллаху? Разве он уязвим? Нет! Он может её наказать в любой момент, он не дал бы ей появиться на свет, если бы она несла угрозу, он мог выстроить её жизнь по-другому. А её родовое общество может её потерять и боится этого.

Именно общество, в лице соплеменников, соседей, родственников, знакомых, не хочет потерять свою прекрасную юную частичку. Общество готово забить её камнями с именем Всемилостивого на устах или, в лучшем случае, унижить оскорблениями, но не позволит забрать её даром другому обществу – чужому и незаслуживающего того. В людском отношении видела Ясмينا основную преграду для себя. И тут перед ней открывалась двоякость: или оставаться в родовом обществе, и тогда придётся придавить свою личную свободу, подчинившись вековым устоям, или стать частью постхристианского европеизированного мира, в котором правила выбираешь сам, но остаёшься в одиночестве. Первый вариант привлекает предсказуемостью

отношений и общей безопасностью, а второй – личной свободой и мизерной ответственностью. Что выберет Ясмина?

Иван, который более недели не появлялся в университете, таки приехал в альма-матер. Походил туда-сюда, почитал объявления, зашёл в библиотеку, посмотрел расписание занятий разных курсов, побыл на спортивной площадке и, наконец, направился к главному выходу. И получилось так, что совершенно случайно... Нет, а что, бывают в жизни совпадения. Совершенно случайно, примерно в то же время кончились лекции у второго курса. Примерно с такой же долей случайности он задержался на выходе: встретил двух приятелей и остановился поговорить. В итоге, обстоятельства стеклись и вылились в неизбежное: он увидел Ясмину – Ясминочка наша увидела Ивана. Взгляды их встретились. Сказать о Ванином взгляде особо нечего. Так... стрельнул пацан холостым дуплетом. А вот Ясмина!.. Энергетика во взгляде Яминки была... мама, не горюй. Таким взглядом можно студенческий проездной размагнитить. В общем, разрядила она в него всё, что у неё в душе скопилось. Иван, и без того ставший чувствительным в последнее время, прямо запылал весь. Стоит он, пылая, и глаз не сводит с симпатии своей.

Между ними было шагов пятнадцать, но он видел Ясмину так, словно она была рядом. Всё он мог заметить: её чистый белый лоб; видел совсем маленькую родинку чуть ниже морщинки у глаза, ближе к виску; видел каждую волосинку её красивых чёрных бровей, и каждую ресничку, и каждую искорку её сияющих глаз. Он подался телом вперёд и смотрел не моргая. Вот до неё десять шагов, восемь, семь... вот она прошла мимо. Она смотрела на него, гордо приподняв подбородок, и только поравнявшись с ним, отвернулась и опустила взгляд. Ваня забыл о своих приятелях, а те удивлённо наблюдали за ним. Когда Ясмина выходила на улицу, то оглянулась. Она шла с подругами, но пропустила их вперёд и, придерживая за собой стеклянную дверь, посмотрела куда-то в сторону от Ивана. На секунду задержала взгляд, и на лице её отчётливо отобразилась тревога. Она мельком взглянула на Ивана, отпустила за собой дверь и вышла из здания. Иван тоже почувствовал тревогу и поспешил вслед за девушкой, стараясь не потерять её из вида. Ясмина и её подруги, взявшись за руки, быстро удалялись. Впереди, в полусотне шагов, к ним приближалась машина, которая должна была увезти Ясмину.

И тут Ивана толкнули – сильно, грубо. Рядом с ним стоял Магомед, студент третьего курса, а рядом – трое его друзей. Его обычно звали Магой, а всю их компанию – бродягами. Иван виделся с ними иногда на спортплощадке или в зале. Мага и его друзья держались обособленно, вели себя вызывающе. Их считали нациками. Иван знал лишь, что Мага из Дагестана, аварец по народности, занимался прежде вольной борьбой и бывал под следствием. Уважения среди других кавказцев он не имел, хотя студенты младших курсов его побаивались. И вот, этот петух бесхвостый толкает Ваню и спрашивает: «Что-то не так?» И по всему видно, что он готов начать драку. Не начал пока лишь потому, что сосредотачивался на Ванином подбородке, чтобы ударить точно и сильно. Сколько времени ему надо было ещё для сосредоточения: две, три секунды? Иван не дал ему ни секунды. Он очень хорошо знал повадки таких абреков, чтобы отдавать инициативу. Впрочем, Ваня действовал сейчас неосознанно. Он вскипел от ярости, услышав наглый вопрос, взглянув в злые глаза дебошира, распознав в том готовность к нападению. Ярость – лучший ответ бесспорному хамству.

Иван ударил куда-то в середину лица противника. Удар пришёлся в скулу – тяжёлый, но скользящий. Тут же схватил Магу за рукав и воротник, чтобы бросить его на землю через бедро. Противник не поддался, отскочил, но в следующий миг Иван удачно сделал подсечку и абрек повалился на землю. Он падал боком, но на руку, успев сгруппироваться. Иван налетел на него сверху, прижимая к асфальту и нанося удары в голову. Но уже включились в драку

дружки Магомеда. Иван машинально мотнул головой, уворачиваясь от удара ноги, однако в него попали, и металлическая петля ботинка, через которую продевается шнурок, рассекла ему лоб над левой бровью. Сверху налегли, захватывая шею, ударили ногой под рёбра... Куртка, стянутая к голове, смягчала удары. Ивану удалось захватить шею ускользавшего из-под него Магомеда, но воспользоваться этим положением с выигрышем он уже не мог – всё-таки четверо против одного. Хотя и досталось Ивану крепко, но до жестокого избиения не дошло. Подключились приятели Ивана, знакомые однокурсники, один из охранников, дежуривший у турникетов, и ещё несколько посторонних. В течение минуты эти люди развели Ивана и хулиганов.

За дракой наблюдала Ясмина. С надрывом сердца. Она знала, что причина в ней. Не далее как вчера, к ней подошёл Магомед в сопровождении своих друзей и сказал:

– Сестра, мне сказали, что какой-то «ванюша» к тебе пристаёт. Будь спокойна: я его накажу.

– Это ты успокойся! – ответила она ему резко. – У меня есть защита. И от таких, как ты, тоже.

Улыбка с долей презрения напозла на лицо Магомеда, а его глаза скользнули по фигуре Ясины, задерживаясь на тех местах, которые порядочные девушки скрывают от чужих глаз. Это был вызов и оскорбление. Он сказал:

– Мы следим за тобой, сестра.

Ясмина знала, почему к ней подошёл этот башибузук. Её подруга, аварка Меседу, или как её звали в девичьем кругу – Меси, зналась с ним. Значит, через неё Магомед проведал об интересе Ивана к Ясмине. Может быть, до неё доползли слухи и о разручении Ясины с женихом? Тогда ей, как девушке свободной от брачных обязательств и защиты жениха, может грозить опасность. Тот же Мага может попытаться выкрасть её. Положение усложнялось.

За ней в этот день приехала тётя. Она видела стычку, когда остановилась на несколько секунд перед центральным входом, чтобы забрать Ясмину и её подружек. От неё не укрылось, насколько бледным и испуганным было лицо племянницы. Она спрашивала: «Почему там драка?», и: «Вы их знаете?», но Ясмина молчала, качая головой, пожимая плечами и отворачивая лицо, а две её подруги, что сели в машину с ней, явно пытались не сболтнуть лишнего. По тому, как они иногда украдкой поглядывали на Ясмину, тоже можно было заподозрить неладное. Тётя, разумеется, заподозрила, потому что она и её семья несли ответственность за племянницу. Когда девушки вышли, где им было нужно, она стала требовать, чтобы Ясмина всё ей рассказала. И она рассказала об Иване, правда без важных подробностей. Тётя не была в растерянности. Она знала, что надо делать, потому что в тот момент слушала только голос крови.

Ивану наложили три шва. Также у него была разбита губа. Конечно, у его родных появилось беспокойство и вопросы к нему. Драться ему приходилось не раз и нечто подобное с ним случалось прежде, но сейчас близкие почувствовали в нём надрыв, напряжение. А ему и в самом деле было тягостно. И он находился на пороге решения. Если недавно ему ещё приходила в голову мысль, что Ясмина из другого мира и лучше забыть о ней, то теперь он уже не мог оступиться. Теперь Иван готов был умереть, но биться за Ясмину до конца. Лишь сейчас он стал осознавать, что налаживание с ней отношений, близкое знакомство – это лишь первый шаг. Но каков будет следующий шаг? Для чего он делает усилия? Впервые он со всей серьёзностью задумался о семье, о детях. Прежде он избегал таких размышлений, потому что считал, что они с Ясминой слишком разные. Иногда его разыгравшееся воображение рисовало картины близости с этой девушкой – это он допускал, – но ежедневный быт, семейные отношения с этой кавказской красавицей до сего мгновения не укладывались в его шаблоны. И вот теперь он стал задумываться, как строить долгосрочные отношения в семье, как строить отно-

шения с родственниками, как устраивать обыденность? Лишь теперь до него стал доходить смысл вопроса, заданного ему Ясминой: «Чего ты хочешь?»

У Ивана время от времени появлялись девушки. С одной он встречался больше года, но постепенно их отношения стали скучными, не приносящими удовольствия душе. Много его сил уходило на спорт, мысли поглощала и учёба, но всё же обходиться без близости с женщиной молодой сильный организм не может – это противоестественно. А отказа он, по сути, не знал. Не очень умные, неуверенные в себе, невоспитанные женщины испокон века добивались интереса мужчин не своими человеческими достоинствами, а физическими особенностями своего пола, доступностью. Только удержать при себе зрелого и умного мужчину этим невозможно. Доступность девушек нашего европеизированного общества, их нетребовательность, немного растлила даже Ивана, не сильно падкого на женскую плоть. Вступая с ними в отношения, он не имел перед ними обязательств, не чувствовал ответственности. Ответственность и обязательства – два показателя взрослости человека, индикаторы сложившейся личности. Прежде он проявлял свою взрослость в занятиях спортом, в учёбе, в отношении к близким, а теперь мог проявить и в отношении достойной его представительницы прекрасного пола.

В тот день Иван много чего передумал. И отходил ко сну он с новыми мыслями о Ясмине. А утром следующего дня у него началась другая жизнь. Теперь у него была цель взрослого человека – семья. Ближе к полудню у него состоялся разговор с отцом. Тот был на работе и Иван поехал к нему в офис. Рассказал о Ясмине, поведал о намерениях, попросил поддержки. Отец был озадачен. Родители, конечно, осторожно подталкивали Ваню к мысли о женитьбе, и ожидали от него определённых действий по окончании учёбы в университете, но выбор сына оказался неожиданным, странным. Кроме того, отец не мог понять, на что рассчитывает Иван? Ясмину ведь откровенно обозначила – он ей не пара. Да ещё нужно было получить согласие родителей девушки, что отцу резонно казалось делом почти несбыточным. Однако каковы бы не были предполагаемые трудности, он пообещал сыну поддержку, сказал только, что свои намерения Иван должен обсудить со всей семьёй. Сын пообещал, что так и сделает, но позже, вечером.

Семья – родители, Иван и его младшая сестра – проживала в собственном доме в Подмосковье, в нескольких километрах от кольцевой автодороги. Двухэтажный кирпичный дом с высокой мансардой на участке в тридцать шесть соток. У Ивана был ещё старший брат, но тот жил со своей семьёй отдельно. А кроме того, года два назад в родительском доме постоянно стала жить бабушка, мать Андрея Михайловича – Ваниного отца. Для Ивана уже была куплена квартира на Юго-Востоке Москвы. Пока она сдавалась внаём. Родители предполагали отремонтировать её до свадьбы сына и передать в его полное распоряжение. Были у родителей намётки, чем ещё помочь молодым, что подарить невесте. По сути, будущее его семьи было уже хорошо обеспечено. Правда, он намеревался уменьшить долю родительского вклада за счёт собственного вложения: у него была бизнес-идея, которую он хотел осуществить с двумя близкими друзьями. Как видим, мой предприимчивый читатель, Иван был завидным женихом. Разве не пара для прекрасно воспитанной кавказской красавицы?

Однако наше повествование будет неполным без рассказа о становлении семьи Ивана и семьи Ясины. Уважаемый читатель, позвольте увести Вас в недалёкое прошлое. А по ходу, познакомить с другими людьми, так или иначе причастными к повести наших главных героев и добавивших в неё свою толику чувств и личного колорита.

Итак...

Глава вторая, экскурсирующая в прошлое

*«Все расы равны и обладают одинаковыми способностями»
Н. Миклухо-Маклай.*

Имя её отца Сали́м, как вы уже знаете. Маму Ясины зовут Халидой. Салим в молодости был офицером Советской армии. Прослужил, правда, недолго – успел только «старлея» получить. А служил он в танковых войсках.

Случилось так, что один из солдат во время обслуживания техники в полковых боксах что-то резко нажал или отпустил в танке при работающем двигателе. Солдат был из чужого взвода, с командиром которого Салим в этот момент разговаривал. Танк рванулся, врезался в опору мостового крана, и сорвал её с болтов. Та сдвинулась и вмяла правую ногу Салима в бочку с машинным маслом. Его тут же отвезли в войсковую медсанчасть. Врачи ногу обезболили, зафиксировали шиной, подштопали и рекомендовали полковому начальству немедленно отправить старлея в окружной госпиталь или в областную больницу – только там хирурги могли полноценно поработать с травмированной ногой. Но командир части медлил. Он ждал со дня на день своего назначения в штаб округа. Не хотелось полковнику, чтобы ЧП, связанное с несоблюдением норм безопасности, помешало бы ему. Широкой огласки избежать военному карьеристу всё же не удалось, но время для нормального восстановления измятой и раздробленной конечности Салима было потеряно. Старлея ещё несколько месяцев лечили, перевели в хороший подмосковный госпиталь, однако он остался калекой, и его комиссовали.

Возвратился Салим в родной Дербент, но прожив там совсем недолго, решил уехать. В Дербенте его не устраивала работа, перспективы, да и само течение жизни. Он поселился в столице Дагестана Махачкале у дяди, брата своей матери. Дядя ему помог пристроиться, но посоветовал получить хорошее гражданское образование, и обещал тогда найти своему племяннику серьёзную должность. Поэтому примерно через год Салим поехал в Москву и поступил в главный университет страны. Так, хромя на правую ногу, но добиваясь очевидных успехов в учёбе, он окончил курс и приехал в родной дом – погостить и кое в чём помочь по хозяйству родителям.

Родительский дом располагался на одной из широких улиц окраины Дербента. Одноэтажный, но большой, с пристройками кухни, гостиной, сарая, курятника и ещё чего-то чрезвычайно уместного в полусельской местности. Вот тогда-то он и заметил Халиду, расцветшую как персиковое дерево по весне. Она теперь постоянно проживала у тётушки в Махачкале, и училась там на врача. А родилась она и прожила почти всю свою (пока короткую) жизнь через два дома от двора Салима – соседями они были. И в связи с этим, хотелось бы рассказать об одном случае из их прошлого.

В Дагестане в очередной раз произошло землетрясение. Для тех мест это явление довольно заурядное, но обычно трясёт едва заметно. В тот раз же были довольно сильные толчки. Загудело, тряхнуло, кое-где трещины появились. Халида была маленькая совсем, а Салим учился в одном из средних классов. И вот он возился во дворе со своим велосипедом, когда вдруг заметил, что в мире наступила почти полная тишина. Куры все собрались в курятнике и временами тревожно поквохтывали, гуси сгрудились в углу своего загона. Ни воробья, ни прочей птицы слышно не было. И скотина будто вымерла – не слышно в округе её обычного мычания и блеяния. Только люди продолжали свою немного шумную и, в целом, полезную деятельность. Лишь только обнаружил Салим странность природы, как она дала ему

ощутимого пинка в копчик. Земля ухнула и вострепелась. Так как он чинил велик сидя попой на земле, то получил самые непосредственные ощущения. В ту же секунду поднялся гвалт и гул. Мимо него, и через вечно открытую калитку, на улицу пронеслись куры, всё вокруг ожило. Закричала и выбежала из кухни мать. За руку она держала младшего брата Салима. Весь народ стал выбегать из построек. На улице в это время началось интенсивное движение прирученной человеком фауны. Причём фауна двигалась разнонаправленно и громогласно. Только собаки оставались у своих дворов – поглядывая на хозяев, они облаивали участников беспорядочного уличного движения (хотя для приезжих, уличное движение в Дагестане всегда кажется беспорядочным, даже когда природная стихия не буйствует).

И вот среди фауны, с громким воплем вниз по улице промчалась маленькая девочка, в трусиках и короткой сиреневой маечке. Это и была будущая махачкалинская студентка-медик Халида. Бедная малышка испугалась и выбежала со двора ещё до того, как взрослые успели её хватиться. А на улице ведь живность, которая зайкой может сделать ребёнка: гусаки могут ущипнуть до крови и крылом побить сильно; индюки в бешенстве могут до полу-смерти затоптать и заклевать. Любой скот в такую минуту может причинить вред ребёнку. Или мотоциклист какой-нибудь сумасшедший может задавить маленькое дитя. Салим, увидев ребёнка, кинулся на улицу, догнал девочку и принёс её к себе во двор. К тому времени ещё один толчок был, но слабее первого. Вскоре прибежала испуганная мать Халиды. Оказывается, она вышла со двора, чтобы зайти к одной из соседок, вот малышка, видимо, и побежала за ней. Женщина долго рассказывала соседям о пережитом ужасе, о том, как носилась по улице в поисках дочурки... боялась, что цыгане её украдут. Потом уже соседи долго пересказывали друг другу, в каком ужасе была мать маленькой Халиды и что цыгане уже почти украли ребёнка, воспользовавшись грозным явлением природы. Говорили и о том, что Салим проявил себя как настоящий мужчина. Ввиду такого мнения о нём в соседствующем народе Салим не возгордился, нос не задрал, но приобрёл душевную связь со спасённой девочкой.

Шли дни, маленькой Халиде показывали пальцем на Салима и говорили: «Смотри, вон идёт мальчик, который тебя спас». В праздники и семейные торжества её просили отнести сладости и прочие угощения соседям, и обязательно упоминали Салима. Так в сердечке маленькой девочки постепенно поселилось доброе чувство к соседскому мальчишке. Сначала-то она пугалась всякого воспоминания о том дне, и Салим вызывал у неё страх, сопутствующий тем воспоминаниям. Но время, которое может вылечить даже от тяжёлой жизни, излечило и страх девочки. По крайней мере, он уже не проявлялся в плаче, и в попытках убежать с глаз долой от этих противных взрослых, напоминающих о минуте ужаса. Через пару лет Салима отправили в военное училище, он стал появляться в Дербенте лишь два-три раза в год, и маленькая Халида постепенно забыла и о нём и о землетрясении. Он стал взрослым, а она всё ещё оставалась ребёнком. Так начиналась совместная история жизни Салима и Халиды, родителей Ясмینی.

И вот Салим приехал домой из Москвы, встретил уже взрослую Халиду и...

Эй, давайте скажем это слово вместе! Раз, два, три: влю-бил-ся! Получилось вместе со мной, произнести? Не знаете? Нет? Ну, всё равно я похвалю Вас, мой весёлый читатель. Вы молодчина! Я Вас похвалил – а Вы похвалите автора перед своими друзьями и родственниками. Договорились? Итак...

В жизни не всё столь чудесно, как в авантюрных романах, из-за вполне осязаемых трудностей. Была запятая и в отношениях Салима и Халиды. Халида была обручена. Обручена с одним м... хм... Салим говорил с «болваном». Давайте и мы будем придерживаться его око-лоармейской терминологии. Тот парень действительно был болваном, и Салим правильно его

так обзывал (и другие тоже). Почему? На три года старше Халиды... В глазах автора этот факт не характеризует его с плохой стороны, но возможно, кто-то из читателей и в этом найдёт повод недолюбливать болвана. Так вот... В милицию попадал много раз. Два раза его из института гнали. Отец его дал добрым людям немало денег, чтобы те стали ещё добрее и оставили поганца учиться. Потом чуть в тюрьму не угодил – опять пришлось бате откупаться за спингрыза. Было ещё множество прочих неприятностей, причинённых болваном как близким, так и чужим людям, по ходу его бестолкового существования. Понятное дело, Халида с ужасом думала о том, что судьбой ей предназначено посвятить жизнь этому абреку. Временами этот ужас затмевал даже тот, что она пережила во время землетрясения.

Родители девушки неоднозначно оценивали растущий хулиганский рейтинг жениха. Отцы обручённых дружили и хотели породниться. Мать Халиды, когда этот хулиган ещё не раскрыл во всей полноте свой разбойничий образ, была сторонницей брака дочери с ним. Однако позже она стала колебаться. Не раз она высказывала сомнения мужу: как с таким мозгодёром будет житья нашей доченьке? Однажды она даже задала вопрос родителям мозгодёра: «А стоит ли нашей дочери идти замуж за вашего башибузука?» Те с жаром уверяли, что стоит. Именно такой умной и хорошей девушке, как Халида, надо выйти за него. Мол, женится наш сынуля на ней – и угомонится! Умная и хорошая девушка в последнее время стала укрепляться во мнении, что уж лучше оставаться в девках, чем объезжать этого дикого жеребца. Вот ещё... нашли дурочку... укротительницу горных мустангов. У всех женихи нормальные, а у неё... персонаж милицейских протоколов!

Помолвка прошла давно, а свадьба откладывалась. Откладывалась по разным причинам. Во-первых, некоторое время назад умер дед болвана, а согласно традиции в течение года торжества проводить нельзя – дань уважения близким людям. Во-вторых, бюджет семьи нёс убытки из-за бесчинств, как самого болвана, так и его брата. Брат служил в армии и избил там кого-то – попал в дисциплинарный батальон. Забашляли кучу денег, подняли связи, чтобы скостить тому срок. Теперь ждали, когда он вернётся со своей долгосрочной службы.

Ибрагим – так звали отца Халиды, был человеком непредсказуемым, своенравным. Для своей дочери он давно имел вариант. Но тот вариант не выгорел. Юноше, за которого он хотел отдать свою дочь, нашли другую пару. Ибрагим был очень расстроен. Тогда один его давнишний друг предложил выдать дочь за своего сына. Ибрагим почему-то принял его предложение за спасительную соломинку и больше никаких вариантов не рассматривал. Халиду обручили с болваном. Она тогда заканчивала школу. Случись это раньше, когда молодые ещё были детьми, то возможно, всё складывалось бы иначе. Привыкали бы они друг к другу, узнавали бы характеры; жизнь была бы чётко определена, а в ней и обязанности каждого. Может быть, и болван был бы не таким разбойником, а Халида была бы к нему привязана и умела бы влиять. А тут как сель с горы. Правда, парень тогда ещё не проявил себя во всей хулиганской красе, а совсем молоденькая Халида согласилась на помолвку по неопытности своей, не раздумывая.

Так вот, увидел теперь Салим повзрослевшую Халиду и она ему понравилась. Он захотел на ней жениться. Впрочем, на Кавказе так: если парню нравится кавкаженка, то это значит, что он хочет жениться на ней. «Понравилась» и «хочет жениться» – почти синонимы. Это не как у русских, просто «погулять». После таких «погулять» для следующего гуляки у девушки ни одного чистого места не остаётся. Даже в её мыслях. К кавказским девушкам у кавказских парней отношение иное, за редким исключением. На «наташах» можно упражняться, а замуж брать надо порядочную девушку, желательна своей народности. Вот и у Салима в отношении даргинской девушки Халиды планы были самые серьёзные.

Он, говоря по-военному, пошёл в наступление. Халида в сложившихся обстоятельствах тоже не стала сидеть в глухой обороне, но опять же – не всё так просто. Это Кавказ, а не... а не... Короче! это Кавказ! Перекинулись парой слов во время первой случайной встречи. Вскоре ещё раз, почти случайно встретились. Состоялся короткий обмен мнениями о трудно-

стях и прелестях учёбы. При этом вся оперативная инициатива исходит от московского студента: махачкалинская студентка только пытается распознать его намерения, а заодно мечтает, чтобы её болвана асфальто-укладочный каток сначала вдоль переехал, а на обратном пути – поперёк. Салим уже знает, что Халида обручена. Халида видит в нём взрослого дяденьку, который хоть и дяденька, а интересный, не шалый-валяй как некоторые (мы понимаем о ком идёт речь, да?). Потом он увидел её в магазине. Она зашла туда со старшей сестрой – та недавно вышла замуж и теперь была на сносях. Они платья себе покупали и вещи для будущего младенца. До дома шли вместе, втроём. Сестра рассказала родителям об этой встрече. Родители вечером у себя в комнате долго шушукались. Кто знает, о чём? Может быть, говорили о том, что вместо покупки готового платья, дочери следовало бы заказать пошив у дяди Яши, всем известного замечательного еврея-портного? Ему с женой тоже надо на что-то жить. Действительно, почему бы не пошушукаться об этом?

И тем же вечером, когда местный народ высыпал на улицу, насладиться парой часов вечерней прохлады, во двор прихромал Салим. На уличном дворе была площадка, над которой высились два старых дерева – чинар и верба, называемых в народе «Гасан и Эльмира». Почему их так называли – это другая история, и может быть, автор её ещё расскажет, но в другом повествовании (если будет жив, здоров, талантлив...). Так вот, под «Гасаном и Эльмирой» сидели три собрания. В первом, самом большом, играли в русское лото, по гривеннику на кон, а в двух других люди по очереди бросали кости на нардах. Тут собрались исключительно мужчины, как и полагается на Кавказе. Женщины сидели отдельно от них, возле калинок своих домов да, лузгая семечки, перетирали события прошедшего дня. И вот дошла очередь до Салимова брательника, и выпало ему бросать кости с братом Халиды. Как бы случайно. Бросали-бросали, а Салим толкает незаметно брата своего в бок, и смотрит на него со значением. Тот спрашивает Халила (брат Халиды):

– Ну что, скоро сестру замуж отдаёте? Говорят, её непутёвый жених опять в милицию попал. Не жалко сестру за него отдавать?

Тот жмёт плечами:

– Так получается да. Что я могу сделать?

Брат Салима ему:

– Халида хорошая девушка, красивая. Её многие замуж взяли бы. А вот если бы она с другим сбежала бы, украли бы её, ты начал бы охотиться на того, кто её украдёт?

Халил поднял глаза и внимательно посмотрел на своего собеседника и соперника по игре. А на него самого были устремлены ещё с дюжину пар заинтересованных глаз. Он сказал:

– Если человек хороший, порядочный, и сестра за него будет, то может и договорились бы. А жених вряд ли простит.

Опустил голову и бросил кости. Тройки выпали (сообщаю для болельщиков).

Салим, считая себя человеком хорошим, порядочным, стал действовать решительно и быстро, как настоящий военный. Когда Халида на следующий день пошла в город с сестрой и подругой, то ему об этом тут же донесла малолетняя дворовая агентура, которая не дремлет даже во время всесоюзного детского часа. Салим кинулся вслед своей симпатии. Они по магазинам – он рядом, они на базар – и он невдалеке. Глаз не сводит с неё. Пасёт – как выражаются в определённом кругу и в отдельных местностях.

Затем подошёл к ней. Начали разговаривать. Её сестра потянула подругу в какую-то лавку. Салим и Халида остались на минуту вдвоём. Он спросил, где в Махачкале живёт её тётка, у которой она остаётся во время учёбы? Точный адрес. Халида сказала. Салим говорит ей, что завтра утром едет в Махачкалу... по делам. Пробудет там три дня. Может быть, даже четыре. А она не собирается туда? Нет? Что, совсем нет никаких дел? Может, что-то надо для учёбы, например? Нет, не надо. Тогда Салим сказал напрямую, что он человек серьёзный, и у него назрел к ней разговор. Что он в курсе её дел, но не знает её настроения. Ещё раз ска-

зал, что он человек серьёзный, и уже не такой молодой, и у него чистые намерения. В общем, будет в Махачкале, и если она там появится, то им есть о чём поговорить без свидетелей. И всё будет по-честному, как положено, чтобы её репутация никак не пострадала. Слово дал мужское. Она ничего не ответила. Только посмотрела на него. Но как посмотрела! Во взгляде этом были и оценка, и недоумение, и надежда, и мольба, и требовательность, и попытка проникнуть в самую суть души Салима. Как она посмотрела! О, если бы на автора данной повести так посмотрела бы девушка лет двадцать назад, то Ваш покорный слуга взялся бы за ум, женился бы и заимел пятерых детей (исключительно от той девушки!), и стал бы человеком к настоящему времени, но... Но при чём тут автор, с его мечтами о прошлом? – спросит самый нетерпеливый читатель. Да, вернёмся к нашим счастливым героям! В общем, посмотрела Халида на Салима, посмотрела... а потом повернулась и пошла прочь.

Салим приехал в столицу Дагестана. Пробыл там три дня и остался на четвёртый, слонаясь возле дома Халидиной тётки с утра до ночи. Уже местные собаки стали принимать его за члена своей стаи, а ненаглядной всё нет и нет. В последний день пребывания в замечательном, но не очень опрятном городе, где-то после полудня, он увидел, как Халида с двумя большими сумками идёт по улице. Она шла, не глядя по сторонам. А когда подошла к калитке тёткиного дома, то подняла голову и посмотрела прямо на Салима, предупредительно замаячившего на её пути. Между ними было шагов семьдесят. Прошла секунда и она вошла в калитку, не оглядываясь. Как водится на Кавказе, во дворе гостя была встречена родней с неподдельной радостью.

Часа через два Халида вышла со двора. И пошла вверх по улице, к остановке. Из калитки высунулся, глядя вслед ей и по сторонам, молодой парень – её двоюродный брат. Салим понял, что он так и будет глядеть, пока Халида не сядет в автобус. Он, на месте этого родственника, не отпустил бы от себя и на десять шагов такую девушку. Салим немедленно направился в сторону следующей остановки. Там он увидел, как подъехал автобус, в котором сидела его симпатия, и смотрела в окошко. Она взглянула на него и едва заметно покачала головой. Он понял, что пока не следует к ней подходить. Поэтому он, войдя в автобус, остался стоять на задней площадке, не сводя глаз с ивановской косынки, покрывавшей голову Халиды.

Итак, в тихом месте, среди зелени и цветов, – в больничном дворе (видимо, это место Халида посчитала самым безопасным из всех, что она знала в этом городе) – они наконец смогли поздороваться и спокойно поговорить. Ну, не совсем спокойно, но без отвлечения на окружающих. Поговорили, объяснились. Да, Халиде не хотелось замуж за болвана, но отец не позволял даже слова промолвить на эту тему. Много ли значит мнение молодой девушки? Да и что можно противопоставить той судьбе, что ей уготовили? Салим сказал, что он может кое-что противопоставить. Ему нужно только её согласие. Он может устроить ей другую судьбу. Если он ей нравится, если она готова идти с ним до конца жизни, то он готов её украсть. А что дальше? На дальнейшее у него тоже есть планы, но сначала он хотел бы получить от неё согласие. Как же она может согласиться, если самое главное, что будет дальше? Украсть девушку, особенно если она согласна, большого ума не надо. Можно, конечно, сказать «она с ним убежала», но престижнее звучит «он её украл» – и ответственность ложится на мужчину. Как дальше жить? Где? На что жить? Как людям в глаза смотреть? Как жениха и его родственников успокоить? Но Салим уже разговаривал со своим дядей на этот счёт и тот обещал помочь. Они знали, что надо делать, чтобы невеста была в безопасности и спокойствии.

Дядя Салима имел знамовес в городе. Позже он стал одним из самых известных и уважаемых людей в Дагестане, и автор ещё упомянет о нём. Имел он дочерей и сына, инвалида детства. И хотя среди его родственников было немало молодых людей, весьма способных, а в неко-

торых делах ещё и шустрых, но именно Салима он больше всего к себе приблизил и возлагал на него особые надежды.

Проговорили Салим и Халида больше двух часов. Им особо не надо было раскрывать души, ведь они хотя и были разного возраста, но знали друг о друге много. Однако в эти два часа они были откровенны и старались найти как можно больше общего. И она согласилась. Согласилась, чтобы он её украл. Вот такой – осмотрительной, но храброй, оказалась Халида. Салим проводил её, находясь в отдалении, до самого дома её тётки и тем же вечером возвратился в Дербент, чтобы их одновременное отсутствие в городе не вызвало ни у кого подозрения. А потом...

Потом разговор с родителями. Они были не прочь, чтобы сын женился на Халиде, но красть невесту у болвана было весьма рискованно. Может быть, пойти к отцу Халиды и поговорить с ним? Салим считал, что тот слишком упёртый и надо будет потратить немало времени, чтобы убедить его разорвать помолвку с сыном его друга, если это вообще возможно. А семья болвана очень быстро узнает, что Салим хочет свататься к их невестке – и тогда Халида станет для него недоступна. Выслушав Салима и узнав, что его шурин готов помочь, отец сказал, что поддержит сына.

Утром Салим снова поехал в Махачкалу. Он спешил к дяде и, приехав, имел с ним беседу. Они быстро пришли к решению, после чего дядя стал звонить разным родственникам, друзьям и нужным людям у себя в городе, а так же в Москве и Дербенте. Звонил и разговаривал, просил, шутил, спрашивал о здоровье, отдавал распоряжения. После этого он снова разговаривал с Салимом и кое-что объяснял. Потом дядя занялся своими делами, а Салим – своими.

Дальше события развивались так: одну из своих племянниц Салим отвёз к Халиде, и та передала на словах кое-что от него. Он стоял на отдалении, когда его избранница вышла на улицу и шепталась, стоя у калитки. Они взглянули друг на друга, а спустя мгновение Халида скрылась в маленьком дворике своей тётки. После этого Салим возвратился в дом дяди и стал ждать следующего утра.

И решительные действия начались. Утром Халида возвращалась в Дербент – она об этом предупредила свою тётку ещё вечером. До вокзала её проводил двоюродный брат. Она села в автобус и когда он тронулся, брат, помахав ей рукой, побрёл домой. Так что, он свою работу по охране доверенной ему двоюродной сестры выполнил, совесть его останется чиста. На выезде из города Халида попросила водителя остановить автобус и вышла из него. Сказала, что забыла документы. Позади автобуса остановился «Москвич». В его салоне находился Салим и один из его родственников. Салим усадил Халиду в машину, а междугородний автобус продолжил свой путь в древний лезгинский город у моря. Продолжил без одной из красавиц того города. Красавица со своим мужественным избранником направлялась к его родственникам.

Салим позвонил отцу на работу и сказал, что всё в порядке, Халида с ним. Теперь дело было за родителями. Отец Салима оделся и обошёл несколько дворов своих родичей, прося тех помочь ему в сватовстве. Из родичей, в основном, набрались женщины и старшие дети, так как многие мужчины были на работе. Пришли и старики. Послали детей узнать, кто из родителей Халиды дома. Все были дома – обедали. Родители Салима, его отец и ещё два старика из его рода пошли в дом Халиды, а часть родственников вышла на улицу и стояла возле двора. Далеко, как мы помним, идти не надо: две калитки соседские, а третья – та самая. Отец и мать Салима вошли в дом соседей. Хозяева видят, что гости с серьёзным делом пришли и, похоже, догадались, с каким именно. Детей попросили пока уйти. Отец Салима говорит: «Мой старший сын хочет жениться на твоей дочери, Халиде». Как жениться? Он что, не знает, что Халида им почти не принадлежит, потому что помолвлена? Она принадлежит будущему жениху и его семье. «Мы всё понимаем, – говорит отец Салима. – Он тоже понимает. Поэтому не хотим

поднимать шум. Давайте всё тихо обговорим, чтобы слухи не поползли по городу». Ибрагим, отец Халиды, возражает, мол, говорить не о чем: вопрос решённый.

С одной стороны, родителям Салима отступить нельзя, а наоборот, надо добиться всего возможного, чтобы отвести от сына месть за украденную невесту. С другой стороны, в душе Ибрагима уже дают всходы сомнения, посеянного умной женой, – сомнения в том, что он нашёл своей Халиде хорошую пару. Но Ибрагим не знает, как выйти с честью из создавшегося положения, как отказать своему лучшему другу? Отец Салима пока не сказал, что его сын уже украл возлюбленную, а Ибрагим намеренно не желает докапываться до истины, чтобы не заводить обстоятельства в тупик. Ибо украсть обручённую девушку, а потом прийти договариваться в дом её родителей – это уже шантаж. К счастью, люди на Кавказе умеют договариваться. Умеют защищать свою честь, но и умеют договариваться, не унижая уступающего.

В ход шли и лесть, и обручивание болвана-жениха, и посулы хорошего выкупа, и расхваливание сына, и разукрашивание будущего, и обещания помочь в улаживании дел с семьёй жениха. С противоположной стороны шли сетования на то, что часть задатка уже потрачена, что всё это отразится на других детях и их браки станут дороже, что у Ибрагима давняя дружба с отцом жениха и нет желания её прекращать и многое другое. Обеденное время прошло, Ибрагим говорит, что ему на работу пора. Ему говорят, что дело не терпит отлагательств и Салим может что-то предпринять без спроса – тогда будет скандал. Ибрагим звонит на работу, отпрашивается. Опять начинается спор и препирательства. Спор длится два часа, и после нескольких кругов встречных доводов, стороны начинают сближать позиции. Уже начинаются разговоры о суммах, обязательствах и сроках. Ещё примерно через час, когда в доме кончилась вся заварка, сахар и конфеты, когда дети не только возвратились в комнату переговоров, но и стали набивать себе цену, семьи ударили по рукам. Не дёшево обходилась Халида семье Салима, не дёшево, но ведь выкуп никуда на сторону не уйдёт – останется в семье, и большая его часть достанется будущей семье Халиды.

Когда две семьи договорились, то пришло время действовать Ибрагиму. Он с женой пошёл к жениху. Самого жениха дома не было – с друзьями искал в городе приключения. Но что тянуть резину? Ибрагим сходу объявил, мол, извини, мы друзья, но всему есть предел. Опять ваш сын попал в милицию. А если завтра его вообще посадят лет на пять-десять, будет наша дочь одна? Нет, возвращаем вам выкуп, готовы возместить убытки, но мы не отдадим вам Халиду. Как так? Вы нас опозорить хотите? Да вы знаете, что мы с вами сделаем? В общем, скандала избежать не удалось. Но никто не сомневался, что скандал будет – важно было, чтобы кровной вражды не возникло. Ибрагиму почти ничего не было, а вот его жену за волосы потаскали. Выгнали их, сказали, что их Халида им даром не нужна и они найдут для сына невесту получше, но всё равно, Ибрагиму и его семье это хамство дорого обойдётся, пусть ждут неприятностей.

Неприятности объявились вечером, когда с коротким визитом, сначала дом Ибрагима, а затем дом родителей Салима, посетил бывший жених Халиды. Программа посещений была скандальной и бескультурной. Кто-то ему сказал, что Халиду выкрал Салим. Он кинулся домой. Там ему говорят, что пришли родители невестки и заявили об отказе от свадьбы. Болван говорит, что ему донесли, будто её выкрали. Отец говорит болвану, мол, это не так и не говори такие глупости – опозоришься: все будут говорить, что у тебя невесту украли, придётся мстить и тогда точно тебя посадят, а может и убьют. Мы от неё сами отказались. Пусть её теперь крадут: кому она нужна? Мы тебе другую найдём. Но болвана не так просто уговорить и здравый рассудок покинул его. Чувство собственности руководило им – а больше никаких чувств к своей бывшей невесте он не испытывал.

Болван со своими друзьями (их человек шесть было) и родственниками ворвался в дом Ибрагима. Он требовал Халиду, вызывал всех на бой. Так как Ибрагим старше его вдвое, то он не поднял руку на него, но отыгрался на его сыне Халиле. Его повалили, били. За Халила всту-

пились. Дерущихся растащили. Болван кинулся во двор Салима. «Салим, выходи! – кричал болван. Точь в точь, как мышонок вызывал кота Леопольда. – Думал, тебя не тронут, потому что инвалид? Выходи, если ты мужчина. Сейчас ты у меня на обе ноги хромать будешь!» Зашли в дом, искали молодых. Подтянулись родственники с обеих сторон. В этот раз досталось младшему брату Салима и зятю. Но и болвану губу разбили, рубашку сорвали с него. Кто-то из женщин плеснул воды на дерущихся, чтобы разнять: тут же началась потасовка между женщинами – с тасканием за волосы и с демонстрацией старухами своих ягодич соперницам. Но всё это длилось не долго. Вскоре болван со своими родственниками и друзьями удалился, пообещав дальнейшие неприятности и межобщинные столкновения, а остальной народ, многие из которого собрались под «Гасаном и Эльмирой», стал бурно разукрашивать произошедшее и предсказывать будущее участников этой истории.

А будущее сложилось вполне счастливое. Родители Халиды изначально требовали немедленной свадьбы, чтобы прекратить брачные приключения их дочери. Но делать свадьбу в Дербенте, по месту жительства, до тех пор, пока страсти не улеглись, было опасно. Молодых временно отправили в Москву, где они жили раздельно у родственников – это устроил дядя Салима. Родители бывшего жениха требовали немедленного возврата задатка за невесту. Им было возвращено всё, до копейки, и частично были удовлетворены дополнительные требования. Свадьбу играли в Махачкале. Невесту привезли только на несколько часов в её дом. Собралось очень много народу: все опасались, что бывший жених явится и учинит скандал и драку. Салим тоже пробыл несколько часов у родителей, потом забрал невесту из её дома и они направились в ЗАГС в большой веренице машин, которую останавливала местная ребятня натянутой на пути проволокой и требовала выкуп за молодую. Поставив подписи жених и невеста, а также часть гостей, направились в Махачкалу играть свадьбу в одном из ресторанов, расположение которого в целях безопасности скрывали до последней минуты. Другая часть родственников, по большей части женщины, осталась, чтобы привечать гостей во дворе дома родителей Салима.

Мой великодушный читатель, присутствовал и я в том дворе и на той свадьбе, и хотя был ещё молод, выпил полбутылки минералки за новобрачных, отведал плова и шашлыка из баранины. Было ли вкусно? Что касается минералки, то она была вкусной, а всё остальное – очень вкусным.

Бывшего жениха на свадьбу не пустили. Он подрался с отцом, затем напился, но из дома его всё же не выпустили. Через какое-то время он устроил поножовщину, после чего подался в бег, а через несколько месяцев был пойман в Мурманске и отправлен за решётку. Дальнейшая его судьба автору не известна, да и не интересна.

А счастливая пара Салима и Халиды, отыграв свадьбу, уехала в Москву, где для них была снята квартира. Халида перевелась в московский институт, но не доучилась в нём, потому что забеременела и вскоре родила своего первенца. Всего же она родила для Салима четырёх детей, и третьим ребёнком стала героиня нашего повествования – Ясмينا. После того, как Салим окончил учёбу в университете, семья переселилась в Махачкалу. Дядя устроил Салима на хорошую работу, выхлопотал для него жильё. В стране тогда начались большие изменения и жизнь стала беспокойной. Но Салим и его семья жили нормально.

Что ещё сказать? Дядя Салима не дожил до наших дней. Он стал известным человеком в Дагестане, которого до сих пор многие помнят. Его застрелил один из шести братьев С-ых. Отец этих братьев-абреков, которого звали Хусейн, женился поздно: в сорок семь лет. Он долго жил в Сибири. Остался там после армии. Женщины у него были, да толку не было от сожительства с ними. С последней из них он сожительствовал больше десяти лет. Она была

метиска с русско-якутской кровью. Была у неё дочь от первого брака, а от Хусейна не было потомства. Когда падчерица вышла замуж, он ушёл от женщины и возвратился в Дагестан. Взял себе жену, которой было тридцать пять лет. В течение десяти лет у них родилось семь детей. Первой родилась девочка с врождёнными уродствами и сразу умерла, а потом на свет появились шесть мальчиков. Они выросли. Двух братьев убили в Москве в бандитских разборках. Третьего брата застрелили в Чечне – он воевал против армии и народа России. Четвёртого убили в горах в начале двухтысячных в междоусобной разборке двух бандитских шайек. А затем пришла очередь двух младших братьев. Хотя им было уже под тридцать, они тоже шастали с оружием по горам и под идеей строительства исламского халифата трясали деньги с зажиточных людей. Один из них, самый младший, был ранен осколком в голову, контужен и, говорят, сошёл с ума. В один из дней его привезли домой мёртвым, с простреленной грудью, и похоронили. Сразу поползли слухи, что застрелил его родной брат. Последний из братьев С-ых после этого совсем потерял меру. Он и застрелил дядю Салима, когда тот приехал говорить с ним о выкупе заложника. Ссора между ними возникла, не договорившись они разъехались, но один до дома так и не добрался. Машину с важным человеком догнали, остановили и расстреляли из автоматов. Этот последний из братьев скрывался недолго: его с подельниками уничтожил наряд ППС в Махачкале, после того как разбойник убил местного милиционера. Старик Хусейн, работяга с большими мозолистыми руками, отец этих шести братьев, тогда сказал: «Теперь я буду спокоен – они все горят в аду и просят Всемилостивого о пощаде. А то я беспокоился, что один из них исправится на время, его убьют и он попадёт в рай: любой из них и в раю бардак устроил бы». Он прожил потом не долго, а его жена, старуха Наргиз жива до сих пор. Её можно увидеть. Целыми днями она сидит, скрестив ноги, возле своего двора или на базаре, и торгует жареными семечками. В её доме три невестки постоянно склопничают между собой, а их дети таскают семечки из перештопанного холщёвого мешка своей полуслепой бабки. Вот так, иной раз складывается жизнь людей в некоторых уголках нашей большой Родины.

Это была история семьи Ясины. Мой добросердечный читатель, Вы – дар Всевышнего мне. Благодарю Его за то, что Вы есть у меня... и перехожу к краткой истории семьи Ивана.

История есть – накал страстей отсутствует. Потому что русские традиции выветрились. Женская честь и мужская проявляются редко. Честь семьи и рода, которые без личной чести и гордости невозможны, ушли в небытие в восьмидесятых годах прошлого века, с последними рабочими и интеллигентскими династиями. Русская душа ещё мятётся в юношах и юницах, но всё больше берёт её в тиски завозное европейское стремление к упрощению и доступности, западная меркантильность, живущая лишь настоящим, лишь себялюбием. Есть ещё в среде старообрядцев, и у других верующих людей традиция и там пишутся удивительные истории, но это не тот случай.

Иван из богатой семьи. Мама его – Светлана Николаевна – теперь не работает, хотя в пору молодости она преподавала русский язык и литературу в средней школе. Его отец предприниматель, он владеет довольно крупной компанией, поднятой им с нуля. Напомню, что его зовут Андрей Михайлович. Познакомились они в поезде, когда возвращались из Москвы в свой родной город Вологду. Она, старшеклассница, ехала с родителями, а он, студент Бауманки, ехал один. Оказалось, что Андрей учился в той же школе, что и Света. Жили тоже неподалёку друг от друга. Тем для разговора нашлось много, так и познакомились. До того как Андрей возвратился обратно в Москву на учёбу, у них со Светой было несколько свиданий. Ходили в кино, гуляли по городу, в парке. Когда он уехал, Света дважды слала ему письма, а он отвечал ей. Он приезжал на побывку, и они снова встречались. Она окончила школу и поступила в пединсти-

тут. Он учился ещё год, а потом был в армии на офицерских курсах. Спустя некоторое время Андрей и Светлана возвратились в Вологду и поженились. У них родились дети: два мальчика и девочка, младшенькая.

Ещё до рождения детей, Андрей рискнул откликнуться на зов приятеля и поехал в Москву, оставив пока жену у родителей. Приятель организовывал своё дело, производственно-строительную компанию, и ему нужны были специалисты, коим и являлся Андрей. Предприятие получилось успешным, и вскоре Андрей смог перевезти в Москву жену с новорождённым сыном. Дальше пошло ещё лучше. Предприятие укрупнялось, реорганизовывалось, и Андрей взялся за отдельное направление деятельности, а именно за электрические и радиотехнические сети. Советом директоров, в который входил и он сам, ему были переданы большой пакет акций отдельного подразделения и большая свобода в управлении. А тогда как раз стал быстро развиваться интернет, начало строиться много всего разного, вот и пошли дела в гору. Минуло совсем чуть-чуть времени и Андрей со Светланой купили квартиру в пределах садового кольца. Их первенцу, Володе, было уже пять лет, когда они купили для его будущей семьи двушку в Коньково. Потом родился Иван, герой нашего повествования. Прошло ещё несколько лет, и у Светы с Андреем появилась маленькая дочь, Даша. Впрочем, теперь это были уже не просто Андрей и Света, а стали они Андреем Михайловичем и Светланой Николаевной.

Такая вот история родителей Ивана. Разумеется, она наполнена чувствами, возможно, даже препятствиями для возлюбленных, но обстоятельства и обыденность не заставляли эту пару проявить мятежный вольный дух, отчаянность, смелость. А ведь всё это присутствует в русских людях, и хорошо, если не проявится позже, разрушительно для семьи. Но в нашем случае всё складывалось хорошо. Иван рос в добропорядочной семье и воспитан был прилично.

Таковы истории семей Ивана и Ямины. Теперь, если позволит мой уважаемый читатель, автор перейдёт к их обоюдной истории, которая ещё продолжается, в эти самые мгновения.

Глава третья, завязывающая

*«Что снится простыням?
Грязным, залежалым простыням?
Что они паруса в далёком южном море»
Анар, «Шестой этаж пятиэтажного дома».*

Тётя Роза, жена Ясминино московского двоюродного дяди, была женщиной небольшого роста, с резкими чертами лица. Маленькие чёрные глаза, маленький рот, острый нос, острый подбородок показывали её сущность – жёсткость, своенравность. Она родилась в дагестанском селе Гюлли. У её отца был друг, который служил в Москве, и, уволившись, остался в городе. Дружили они ещё со школьного возраста и оба были не прочь породниться. Поддерживали их в этом деле и жёны, которые также дружили между собой с детства. Однажды родители Розы приехали в Москву к своим друзьям в гости. Целую неделю они провели в этом городе, всей дружной компанией посещая разные интересные места. И у Розы был персональный гид – Алиф, десятилетний сын московских друзей. А ей тогда было семь лет. Перед отъездом гостей, хозяева устроили прощальный ужин, на который были приглашены ещё человек двадцать взрослых с детьми. Заседали в ресторане, где глава семьи московских дагестанцев был управляющим, а вскоре должен был стать и совладельцем. Взрослые сидели за столами, иногда вставая, чтобы потанцевать. Для детей был накрыт отдельный стол.

Ближе к завершению посиделок Розу и её будущего жениха позвали родители, поставили рядом, а гости их обступили. И отец говорил мальчику:

– Сынок, вот Роза завтра уедет. Вы были на Красной площади, видели Кремль, Мавзолей. Вы ходили в цирк, гуляли на ВДНХ, катались в метро. Ты теперь с Розой хорошо познакомился. Но завтра она уедет далеко-далеко. Скажи: ты хотел бы жениться на ней, когда вы станете взрослыми?

Мальчик, находясь в стеснении, молчал. Он мельком скосился на эту маленькую чернявую девочку. Свою маленькую головку, с косичками и жёлтыми бантами, она от стыда опустила в этот момент так низко, что её шея казалась сломанной.

– Ну, не нравится она тебе что ли?

– Нравится, – едва слышно молвил мальчик.

– Вот, молодец, – похвалил его родитель под негромкие одобрительные голоса окруживших его взрослых. – Если тебе нравится девочка, ты должен жениться на ней. Она же хорошая? Вот и надо на ней жениться. А то на ней женится кто-то другой, а настоящий мужчина всегда должен быть первым. И у настоящего мужчины должно быть всё самое лучшее. И невеста должна быть хорошая. Посмотри, какая красавица, какая хорошая. Скажи как настоящий мужчина: хочешь жениться на Розе, когда вы оба встанете большими?

Мальчик ещё раз быстро взглянул на девочку и ответил:

– Хочу.

Снова раздались одобрительные голоса окружающих.

Потом подошла очередь Розы. Мать держала её за плечи, а отец спрашивал:

– Роза, ты слышала? Алиф, хочет, чтобы вы поженились, когда станете большими. Чтобы у вас была своя семья, свой дом, чтобы все его братья и сёстры стали твоими братьями и сёстрами. Ты ему нравишься, и он хочет на тебе жениться. А ты согласна выйти за него замуж, когда станешь большой?

Девочка стеснялась. Столько глаз одновременно на неё ещё никогда не смотрели. Мать присела, обняла сзади и тоже спрашивала её:

– Хочешь быть невестой? Ты будешь в большом белом платье, на голове фата. Будет свадьба и на столе много вкусного, торты, конфеты. Будешь жить в Москве. Хочешь, чтобы Алиф был твоим женихом?

Роза не смела поднять головы.

– Ну, скажи мне на ушко, – уговаривала её мама.

Она опустила ещё ниже, приближая ухо к лицу Розы. Девочка что-то шепнула ей. Мать тут же выпрямилась и проговорила смущённо:

– Она сказала «да».

Раздались радостные возгласы. Роза, воодушевлённая этими возгласами, приподняла немного головку. Однако её отец громко сказал:

– Но мы не слышали. Дочка, скажи, чтобы мы все слышали.

Опять наступила тишина. Девочка слегка кивнула и её губы шёпотом произнесли:

– Да.

Роза не помнила этого. О своём согласии она знала со слов других людей. И картина из её личного прошлого была нарисована по чужим рассказам. Эта картина и заполнила тёмное пятно в памяти, возникшее когда-то от сильного психического напряжения. А вот свою взрослую помолвку, подтверждающую ту, первую, она помнила. Теперь она уже не могла ответить ничего, кроме «да». Она просто не представляла никого другого на месте Алифа. Никто другой ей не был нужен. За прошедшие годы только он был целью её жизни. Встречи с ним, с его родней, разговоры в семье позволяли ей довольствоваться лишь одним вариантом выбора. И она давно уверила себя, что этот вариант наилучший. Москва, обеспеченный жених. Ведь хорошо же! Что ещё желать от судьбы?

И вот Роза слышит ужасную правду о своей племяннице. Хорошо, что от неё самой. Но ведь уже многие знают о ней, об этом русском. Какой позор! Ей не нравилось то, что Ясмينا была помолвлена поздно. Кто знает, какие мысли успели поселиться в хорошенькой головке племянницы? Давать волю современной молодёжи нельзя. Она сразу была против того, чтобы Ясмينا жила у них, но Алиф взял на себя ответственность, присматривать за девушкой. А уж когда помолвка Ясины была отменена, то она даже несколько дней не разговаривала с мужем, пытаясь показать своё несогласие. Но он опять, правда, теперь с некоторым сомнением, взял на себя ответственность и оставил её в семье. И чем племянница отплатила? Вместо того чтобы поставить обнаглевшего русского на место и рассказать обо всём родным, она скрывала правду. Это Алиф дал ей свободу. Роза такой свободы не имела. После поездки в Москву она никуда из своего села не выезжала. Хотя Алиф со своими родителями каждый год приезжал к ним. Только перед самой свадьбой она с тётками поехала в Махачкалу сделать покупки. А потом она была в Махачкале проездом, когда жених вёз её к себе. И в Москве она увидела совсем другой мир: бескультурный, греховный, разнузданный, бесстыжий. Она берегла себя от окружающей грязи. Она держала в строгости себя и воспитывала в строгости своих детей, потому что защищала честь семьи, честь мужа, защищала свою веру. А эта избалованная девчонка опозорит их – уже опозорила! Её надо отправить домой, и пусть родители найдут ей жениха. Хотя, разве теперь найдётся дурак, который женится на ней?

Тётя Роза сказала Ясмине лишь это:

– Мы тебе доверяли, а ты значит такая, да? Даже чужой человек, этот парень, не выдержал – вступился за нашу честь. Ему твоя честь и честь нашего народа важнее, чем тебе. Мне стыдно за тебя. Я скажу Алифу, чтобы он отправил тебя домой.

Ясмина не знала, как ей оправдаться. Она чувствовала себя чистым листом бумаги, на котором другие хотят выразиться. Даже если у них грязные руки, или грязные мысли, – именно ей грозит судьба скомканной и брошенной под ноги бумажки.

Роза позвонила мужу и сказала, что у неё есть очень плохие вести об их племяннице, попросила его скорей возвратиться домой с работы. А Ясмина поднималась в их квартиру, буквально, волоча ноги. Она ещё ничего не совершила, мало того, – она даже воспротивилась Ивану, но она уже виновата, уже грешница и изменница. Со страхом она думала о том, что с ней сделают родители. Но как смотреть всем в глаза? А как же учёба? Теперь о ней можно забыть. Её отвезут домой. А как жить там? Какие небылицы будут рассказывать о ней там? Какие взгляды и слова презрения будут сопровождать каждый будущий миг её жизни?

Позже был разговор с дядей Алифом и тётей. Роза начинала этот разговор, и начала его с обвинений племянницы. Ясмина, однако, уже стала приходить в себя. В ней крепла жажда сопротивления. Но и дядя, хотя и был явно недоволен, всё же воздержался от жёстких слов. Он лишь задал ей несколько вопросов, а потом сказал, что встретится с этим русским и поговорит с ним сам. Объяснит ему по-мужски, если он ещё не понял, что от него хотят. После этого он попросил свою супругу, пока ничего не говорить родителям Ясины.

– И ты еёпустишь завтра в университет, к нему? – спросила та с недоумением.

– Пусть идёт. Так мне не придётся искать этого русского.

Ещё до разговора с отцом, Иван позвонил некоторым своим друзьям и попросил помочь ему. Среди друзей были бывшие одноклассники, товарищи по спорту и два однокурсника. Он жалел, что у него нет номера Ясины. Спрашивать у неё самой было бы бесполезно, а узнавать у других, без её позволения, было бы ещё и неприлично. Во второй половине дня он приехал к университету. По его зову на помощь пришли одиннадцать человек. Друзья приехали на четырёх машинах. Они встали вокруг Ивана, и он поведал о Ясмене, о том, что хочет добиться её расположения, но ему пытаются грубо мешать. Потом с двумя товарищами, которые были студентами и, соответственно, могли беспрепятственно войти на территорию университета, прошли к учебным корпусам. Они нашли аудиторию, в которой Ясмина должна была находиться на лекции. Иван резко открыл дверь, сделал шаг внутрь, посмотрел на студентов, и мгновенно увидел свою симпатию. Улыбнулся, как Бельмондо, отчего у него лопнула губа в месте вчерашнего удара, и, опустив свою заштопанную и перевязанную башку, сказал лектору: «Извините» – после чего удалился.

Далее Ваня остался ждать в коридоре окончания пары. И когда Ясмина вышла из аудитории, он тут же направился к ней.

– Ясмина, нам надо поговорить. Мне есть, что сказать и предложить.

Эти слова произносились чуть ли не на ходу, потому что девушка, окружённая своими подругами, не остановилась, а обошла Ивана, – не поднимая глаз, сторонясь его. Правда, обойдя его, она с полуоборота, на секунду взглянув ему в глаза, сказала:

– Я не могу говорить с тобой. Мой дядя хочет с тобой поговорить. Он будет ждать на улице.

Спустя несколько минут они по мокрому тротуару шли к центральной проходной университета. Ясмина, в своём девичьем кружке, шла впереди, а Иван с товарищами – метрах в десяти позади. На улице Ясмину ожидал её дядя; с ним был сын и трое друзей. Девушка отделилась от своих подруг и подошла к ним. Поздоровались. Дядя спросил:

– Ну что, как дела?

– Ясмина промедлила, собираясь с мыслями, и не успела ответить.

– Он здесь? – вновь обратился к ней дядя Алиф.

Ясмина кивнула. Алиф машинально посмотрел мимо неё в сторону проходной. Посмотрел – и сразу приметил парня, глядящего в их сторону. На лбу у него был пластырь, а на губе виднелось пятно спёкшейся крови. Парень, что-то сказал двум молодым людям, стоявшим вплотную к нему, и троица направилась в их сторону. Однако Алиф всё же сказал племяннице:

– Где он? Покажи нам его.

Ясмина опять медлила. Она стояла, низко опустив голову. Девушка была уверена, что Иван где-то рядом, но что-то мешало ей оглянуться, окинуть взглядом окружающих людей, и указать на него. Иван подошёл сам.

Здравствуйте, – сказал он, застенчиво улыбаясь.

Никто ему не ответил. Алиф сказал сыну:

– Посади сестру в машину, и ждите там.

Они ушли. Невдалеке, то и дело оглядываясь и переговариваясь, отходили в сторону метро подруги Ясины. А к Ивану шли друзья до сих пор ожидавшие его в машинах, припаркованных возле проходной, и теперь заметившие его возвращение. Они подошли, встали рядом с Иваном, обступили Алифа и его родственников.

Алиф оглядел парней, ухмыльнулся, и прошло ещё несколько секунд, прежде чем он спросил:

– Это Ясмина тебя предупредила?

Ваня не сразу понял, что вопрос был о его друзьях.

– О чём? – чуть помедлил и добавил. – Нет. Это отдельная история. Ясмина со мной не разговаривает.

– Она с тобой не разговаривает, а ты с ней?

– Пытаюсь. А вы кто?

В этот момент к Алифу протиснулся его сын.

– Я тебе что сказал, а? – повышенным тоном обратился к сыну Алиф. – Иди к сестре! Будь возле неё! Что стоишь?

Юноша взглянул на отца, потом пристально посмотрел на Ивана, и направился к машине, из которой тревожно выглядывала Ясмина.

Алиф сказал:

– Я её дядя. И сюда приехал сказать тебе пару слов. Если бы я хотел тебя наказать, то было бы всё по-другому.

Иван улыбнулся:

– Пацаны, нас действительно слишком много, – обратился он к друзьям, при этом глядя в лицо Алифу. – Зачем людей нервировать? Это вообще не тот, кого мы ждём. Давайте остаемся в прежнем составе. Ладно, пацаны?

С Ваней остались двое студентов-приятелей, а остальные отошли – кто-то сел в машину, а несколько человек остались стоять неподалёку.

– Это мои друзья, – сказал Иван. – Но они тут не из-за вас. Так получилось просто. Предупредили бы, я бы с отцом пришёл и старшим братом.

Он улыбался.

– Тебя как зовут? – спросил Алиф.

– Иван.

– Ваня, я сам из Москвы. Я тут родился и всегда здесь жил. У меня много русских друзей. Я тебя понимаю, поэтому хочу просто поговорить с тобой, объяснить ситуацию. Ты нормальный парень, я вижу. Только ты не знаешь наших законов. Или знаешь?

Иван пожал плечами.

– Короче, – продолжил Алиф, – эта девушка не для тебя. Неужели ты не понимаешь? Вон, вижу, в лоб получил, а всё ещё не понимаешь. Так вообще без головы останешься. Я тебе знаешь, что посоветую...

– Советуйте своему сыночку, – Ивана очень задели последние слова и он едва сдерживал ярость. – Вы Ясмине дядей приходитесь, а у неё что, отца нет и матери? Что вы за неё решаете? И за меня?

– Полегче, Ваня. Её отец скажет тебе то же, что и я. Если с тобой вообще станут разговаривать. Только в одном случае с тобой будут говорить: если ты примешь ислам. Как мусульманин ты бы имел право свататься. Если бы ты принял ислам не ради девушки, а ради Всевышнего и его пророка. Чтобы соблюдать мусульманские законы. Только это ещё не всё. Думаешь, просто так в Дагестане живёт пятьдесят национальностей уже тысячу лет и не смешиваются? Мы же там не превратились в одну национальность – дагестанцы. Потому что каждый хочет сохранить свой народ, свои особенности. Поэтому даже если бы ты был мусульманином, то всё равно ещё посмотрели бы на твою национальность. Но даже если и с национальностью не было бы проблем, то есть ещё другие вопросы. У нас принято, чтобы жених обеспечил свою невесту жильём, деньгами, чтобы было уже что-то отложено для детей ещё до их рождения. Семье невесты тоже надо сделать подарок. Видишь, как много от тебя потребуют? Так что, я тебе не советую тратить своё время на эту девушку.

– Она стоит того, чтобы на неё тратить время. За неё можно даже жизнью рискнуть. Разве нет?

– Ваня, ты посмотри, сколько вокруг девушек... Маши, Вики, Наташи, Алёны. Им не хватает мужчин, настоящих мужчин. Можешь их оптом брать. Отказа не будет. Поживёшь с одной, потом с другой, потом с третьей... Можешь их каждый день менять. У тебя с ними одна культура, одинаковая кровь. А с нашей девушкой не так. Один раз берёшь ответственность, и на всю жизнь. Ты так сможешь?

– Вы смогли?

Теперь Алифу явно пришлось сдерживать себя. Он набычился, расправил грудь, но через секунду вздохнул, чуть выпятив подбородок, сказал:

– Сынок, ты меня с собой не равняй. Я москвич, это да. Но у меня воспитание другое. Меня учили уважать свой народ, традиции, религию. Я знал на ком женюсь, ещё когда в младшую школу ходил. И уже тогда я знал, что это на всю жизнь. Я уже тогда думал о семье, о детях.

– Я, конечно, не думал о таких вещах в детстве, да... – Иван едва заметно улыбнулся. – Только я ведь не просыпаюсь каждый день с мыслью, закрутить с кем-то новый роман. И мне не всё равно, с кем провести этот день, и завтрашний. И я могу обеспечить свою невесту: жильё, деньги... всё есть. И подарок семье невесты тоже будет.

– Ваня, наверное, твои родители хорошо подготовились к твоей семейной жизни... за это им моё уважение, но ты не мусульманин, а значит, это пустой разговор. Пока ты не стал мусульманином, даже не думай о моей племяннице. Это я с тобой разговариваю спокойно, а если бы ты к её отцу пришёл свататься, тебя палкой прогнали бы. Вот смотри, это Миша, – Алиф показал на одного из своих товарищей. – Он русский. Мы с ним дружили с детства. А теперь мы ещё и родственники. Он принял ислам, а потом посватался к моей двоюродной сестре. Теперь у них уже трое детей. Вот так дела делаются. Я не говорю, что если ты станешь мусульманином, то тебе обязательно отдадут Ясмину, но без этого нельзя. Она, между прочим, может и не согласиться.

– Может она согласится принять православие?

– Ты же умный парень. Зачем тебе злить меня? Я тебя предупреждаю: отстань от моей племянницы. Я за неё несу ответственность, как её дядя и как мусульманин. Ты понял? Тебе твои друзья не помогут. Я могу привести в три раза больше людей. А может к тебе подойти вечером у твоего дома один человек, и решить вопрос тихо, но не в твою пользу. Всё, разговоров больше не будет.

Иван глядел, как родственники Ясины рассаживаются по машинам. Где-то там, за тонированными стёклами находилась и сама Ясмина. Смотрела ли она на него? Что она думала обо всём этом?

Позже, уже вечером, дядя сказал Ясмине: «Если он опять к тебе подойдёт, скажи мне». А у тёти Розы чесался язык. Она решила, что после разговора Алифа с «ванюшей», родителям Ясины можно сообщить о приключениях их дочери. Что она там наговорила не известно, но тотчас Ясмине позвонила мать – взволнованная, обеспокоенная – и потребовала объяснений. Ясмина в досаде вслух предположила, что тётя знает больше всех и, наверно, ей нечего добавить. Халида повысила тон, пока не до крика, но было достаточно, чтобы дочь стала хорошо воспитанным ребёнком и поделилась некоторыми тайными фактами своей жизни. Ясмина не решилась рассказать об одном важном эпизоде: что она имела короткое объяснение с Иваном в его машине. Ведь тётя Роза даже за меньшее готова была обвинить её в распутстве, а если эти люди узнают, что она сама тайно ходила к парню, то какие ещё обвинения подскажет их фантазия?

Потом трубку из рук матери взял отец. Опять те же вопросы и ответы. Салим сказал: «Тебе лучше возвратиться домой. Я не хочу, чтобы о тебе поползли у нас слухи. Ты же знаешь, из-за этих слухов потом всю жизнь тебя будут поддевать злые языки». Ясмина знала. Но у неё были причины упрашивать отца и мать, доучиться до конца этого курса, согласно их договорённости.

Из трёх причин последней было то, что ей не хотелось возвращаться домой. Всё-таки Москва давала некоторую дополнительную свободу такой развитой девушке. Круг общения тут был шире, она могла его выбирать, и люди тут были в большей свободе от условностей. В Махачкале она оказалась бы в среде людей, большинство которых старше её, и находилась бы под постоянным их контролем и обсуждением. А с ровесницами невозможно было говорить о психологии, литературе, живописи, культуре – исключения невероятно редки. Мало кто из них стремится к учёбе, а разговоры крутятся вокруг семейного обустройства, денег, денег, денег... и всяких сплетен. Второй причиной было её желание получить высшее образование. Это было выражением её стремления к некоторому статусу вне семьи. С будущим мужем и его родственниками образование тоже было бы подспорьем в личных отношениях. А первой причиной стали чувства к Ивану.

Ясмина, пока ещё со страхом, стала понимать, что тяга к нему усиливается. Всё, что вложено было в неё жизнью и воспитанием от рождения, всё слабее сопротивлялось тому, что заложено было природой и предписано судьбой. В действиях, мыслях (и даже в словах) всё более проявлялась её пробуждающаяся женская суть и растущая самооценność. Она видела его сегодня. Он был с повязкой на голове, с разбитой губой, но он не был сломлен. И, что очень важно, он собрал друзей. Он не был одинок или в меньшинстве, как многие русские или европейцы. Может быть, русскую девушку больше тронула бы жалость, но Ясмину подкупила его способность к сопротивлению, его настойчивость. Парень с такими качествами стоит сотни маменькиных сынков. А некоторые другие его качества, как мы помним, дагестаночка заметила ещё раньше.

Родители пошли навстречу Ясмине. Правда, Халида напомнила дочери о девичьей чести, которую злые люди и соперницы стараются замарать, и о семье – без поддержки которой она всегда будет слабее. Всегда! Салим наказал ей быть на виду у родственников и поддерживать связь только с ними, избегая чужих людей. Обещали позвонить завтра. Обычно Ясмина созванивалась с родителями через день-два (на телефон отдельно выделялись деньги). Потом позвонила младшая сестра и стала живо интересоваться всеми подробностями, на ходу обогащая

множеством версий историю Ясины. Там, в Махачкале, рядом с ней в этот момент находились двоюродная сестра с подругой, и оттого девичье общение выдалось особенно весёлым и слегка выходило за грани дозволенного. Ясина, хотя стыдила сестричку и грозилась прервать разговор, не спешила это сделать. Она тосковала по близким, чувствовала себя одинокой, особенно теперь. Тётя Роза посеяла в ней некоторую холодность к своей семье. Впрочем, чуть позже Ясина душевно пообщалась с младшей дочерью тёти Розы, Забиёй. Но всё равно ей не хватало домашнего родственного круга. Это особое чувство одиночества сложно понять урождённому горожанину и человеку западной культуры.

Иван с друзьями дождался вскоре и Магу. Долго ждать не пришлось. Возникла небольшая стычка между ним и Иваном, но оказавшись в численном меньшинстве бродяги постарались уклониться от схватки, стали разнимать главных героев вчерашнего вечера. Сторона Ивана тоже не лезла на рожон. Суть свелась к тому, что Мага предложил встретиться позже, когда соперник поправит здоровье, и ему было отвечено, что в любое время и при любой погоде. В общем, найдёшь, если захочешь. Так и расстались. Позже с Иваном связались его кавказские друзья-сокурсники, сказали, что с Магой была проведена разъяснительная работа, не надо от него ждать неприятностей, но и искать с ним встречи тоже не рекомендовали, однако и осторожно высказались в том смысле, что Ване не надо забывать о кавказском и мусульманском происхождении Ясины.

Вечером Иван имел беседу в кругу семьи. Ему, правда, хотелось избежать этого разговора. Он немного стыдился. Но Андрей Михайлович уже сказал Светлане Николаевне, что у сына есть весьма неожиданные новости, требующие семейного обсуждения. Для Ивана наибольшая трудность состояла в том, что приходилось вести разговор о его симпатии, когда отношения с ней ещё не были налажены. Так складывались обстоятельства. Общение с дядей Ясины его не поколебало и даже немного ожесточило, однако положение было совершенно неопределённым.

Новость о том, что Иван присматривается к девушке не только другой народности, но и другого вероисповедания, была принята с сомнениями. Оказалось, что если бы Иван выбрал себе спутницей жизни татарку, то особых сомнений не было бы даже из-за разности вероучений – очень много общего у русских и татар. Ещё лучше был бы выбор немки, итальянки или испанки. Не было бы особых трудностей с девушками из восточных и северных земель: якутянки, корейки, японки и китайки тоже, оказывается, вполне подходят для русского парня. А вот с даргинкой из Дагестана, как полагала родня Ивана, у него будет большое недопонимание, и в первую очередь на почве религиозной: слишком сильно их жизнь подчиняется правилам веры. Выяснилось так же, что бабушка Ивана тоже является набожной православной христианкой, хотя прежде она не проявляла ни особого рвения, ни больших познаний религиозного уклада. Разве что иконами да церковными службами в память мужа и родителей намекала на свою религиозность. Во всяком случае, именно она сказала, что согласно канонам, православному нельзя жениться на иноверной женщине. По сути, повторялись доводы, слышанные Иваном от Ясины и её родни. Сам Ваня говорил, что ещё ничего не определено, но ему всё же хотелось бы получить поддержку от семьи. А подытожил разговор Андрей Михайлович: «Слушайте, это же просто девушка, молодая девушка и обычный человек, как и мы. Она так же хочет любви, семейной близости, ей нужна поддержка, ласковое слово, тёплое отношение, справедливость. Если она это получит – значит, Бог к ней милостив! Если мы будем с нею добры, она ответит нам таким же добром! А если человек делает добро, живёт по совести, то нет разницы какому Богу он молится или совсем не молится. Бог от этого не в накладе! Тем более, как я слышал, он один у нас всех – только учения разные».

В понедельник утром Иван ждал Ясмину возле университетской проходной. Она появилась с подругой Ланой. Иван встал у них на пути и девушки остановились. Он сказал:

– Ясмина, я знаю что хочу. Теперь знаю. И я пока жду.

Сказав, отступил в сторону. Девушки прошли мимо него молча: Ясмина – опустив глаза, Лана – глядя с интересом. Прощагав немного, Ясмина прошептала подруге:

– Не говори никому, ладно? А то меня заставят вернуться домой – и я не смогу учиться. Не рассказывай никому об этом разговоре.

– Хорошо, – промолвила Лана, пристально поглядев на подругу.

Ясмина сегодня не могла сосредоточиться на учёбе. Целый день она глядела преподавателям в рот, но мысли текли в русле сердечного настроения, а не согласно учебному плану. Она вспоминала слова Ивана: «Я пока жду». Он ждёт. Он сегодня будет сидеть в машине в условленном месте и ждать. Он мог бы подойти к ней, как к любой русской девушке и завести разговор, мог узнать телефон и звонить... он мог сделать много такого, что полностью её скомпрометировало бы в глазах земляков, но он повёл себя с уважением к её уставу. Его пытались избить, на него давили, она сама его, по сути, оттолкнула словами – но он не отступился. Он готов ждать – «пока». На долго ли его «пока» рассчитано?

Настрой Ясины ещё не прошёл огранку сознанием. С одной стороны – симпатия к Ивану завладела ею, с другой – чувства не приняли чётких мысленных форм и простейшего плана. Она не могла сказать «он мне нравится, я хочу быть с ним». Её расположение к Ивану, пожалуй, соответствовало интересу... женский интерес к мужчине, тяга к чему-то чуждотаинственному и многообещающему. Девушка предпочла бы встретиться с Иваном случайно, вдали от заинтересованных глаз, но не идти на свидание с ним осознанно.

Обычно Ясмина добиралась до дома или до танцевальной студии на машине. Часто её прихватывал кто-то из подруг, за которыми приезжали родичи, в некоторые дни за ней приезжала тётя, крайне редко дядя. Но получалось так, что в среду, как правило, никто ни за кем не приезжал и она с подругами добиралась на метро. Прошли понедельник и вторник – прошли в ожидании среды. Страсти родственников вокруг Ясины немного приостыли.

В среду она решилась. Опять сказала подругам, что ей надо задержаться после занятий. Она, в самом деле, ходила в учебную часть, чтобы узнать о возможности перевода в Дагестанский госуниверситет со сменой специализации. Не праздный интерес, между прочим. А потом направилась... не то чтобы к Ивану, но она решила пройтись невдалеке от того места, где он всегда ждал. Решила так: если увидит и сам подойдёт – ладно, а если не заметит – значит, не судьба. Но, видимо, она сильно задержалась в учебной части. Иван подождав, решил, что Ясмина уже ушла домой, но для удостоверения в этом, по привычке проехался вдоль университетской ограды мимо центрального входа. Ехал медленно, приглядываясь.

Возле проходной он и увидел свою симпатию. Остановил машину, включил аварийку и подал чуть назад. Поставив машину на ручник, не заглушив мотора, он вышел и встал позади автомобиля, своим видом давая понять, что ждёт. Ясмина, заметив его, переключилась на автопилот, плохо осознавая свои действия. Не колеблясь, направилась к нему и села в машину. Видимо, ей не хотелось, чтобы были свидетели их встречи и поспешила. Она подумала, что Иван намеренно ожидает её тут. А он даже не успел открыть ей дверцу – так быстро всё произошло.

– Довези меня до дома, – сказала Ясмина, когда парень запрыгнул на водительское сиденье.

Говорит, а сама думает: «Что со мной? Чего это я к нему в машину села? Зачем?»

– Куда? – спрашивает Иван.

Она назвала район и улицу. Проехав с минуту в молчании, Ваня проговорил:

– Хотел сказать какие-то слова, а теперь... неудобно... за рулём, на ходу...

– Останови, – несколько равнодушно произнесла Ясмينا.

Иван молчал несколько секунд, потом предложил:

– Может быть, пойдём в кафе или ресторан, где есть кабинет?

– Меня ждут. Если хотел что-то сказать, то говори сейчас. Я не могу сильно задерживаться.

– Понятно.

Он увидел стоянку в кругу деревьев и холмиков талого грязного снега: свернул. Припарковавшись, он повернулся к заднему сидению – на нём лежал букет из пяти белых роз. Протянул их Ясмине.

– Не надо... это не надо, – смущённо и даже напугано заговорила она, отстраняясь. – Я не могу их взять. Скандал будет.

– Не обязательно их нести домой. Выбросишь их потом. Возьми, – он продолжал протягивать ей цветы.

– И выбросить не смогу... жалко. Мне жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.